The background of the book cover is a composite image. It features a dark, arched tunnel with a ribbed ceiling. Through the tunnel, a bright, hazy landscape is visible, showing a bridge and two prominent church spires. The overall color palette is dark and moody, with a mix of browns, greys, and a hint of blue in the distant landscape.

БОРИС БАТЫРШИН

Д.О.П.

**ДЕПАРТАМЕНТ ОСОБЫХ
ПРОЕКТОВ**

КНИГА
ШЕСТАЯ

Коптский крест

Борис Батыршин
**Д.О.П. (Департамент
Особых Проектов)**

«ИП Каланов»

2021

Батыршин Б. Б.

Д.О.П. (Департамент Особых Проектов) / Б. Б. Батыршин — «ИП Каланов», 2021 — (Коптский крест)

Шестая книга цикла "Коптский крест". Новые приключения героев, знакомых читателям по предыдущим книгам цикла. Порталы, соединяющие двадцать первый век с девятнадцатым восстановить так и не удалось, но хронопутешественники всё же сумели вернуться в прошлое, прикоснувшись по пути к тайне – к настоящей, подлинной тайне, скрытой в переплетениях «червоточин». И даже это мимолётное прикосновение едва не закончилось для них трагедией... Но – времени разгадывать её нет, наших героев ждёт смертельная схватка с остатками банды террористов-радикалов. Оказывается, за спинами этих негодяев стоят иные силы, куда более могущественные и опасные. Чтобы противостоять им, руководитель Департамента Особых Проектов барон Корф в сопровождении гостя из будущего отправляются во Францию, где и предстоит разыгаться очередному акту этой запутанной драмы.

© Батыршин Б. Б., 2021

© ИП Каланов, 2021

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	10
III	16
IV	20
V	26
VI	30
VII	35
VIII	39
IX	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Борис Батыршин Д.О.П. (Департамент Особых Проектов)

Часть первая День открытых дверей

I

*Москва, ул. архитектора Казакова
июль 2015-го года.*

Я крикнул: «На месте! Уголовный розыск!» – и прыгнул наперерез гружёной сверх всякой разумной меры ВАЗовской «двойки», катящейся прямо в разлитую по стене двухэтажки светящуюся, слабо пульсирующую блямбу.

Четверо мужчин, толкавших машину, замерли в неудобных позах. «Жигуль», проскрипев стёртыми покрышками по тротуару, по инерции вкатился в лиловое сияние – и замер, словно разрезанный светящейся мембраной пополам.

– Стоим, граждане! Предъявляем документы! – скомандовал я официальным голосом, демонстрируя странным нарушителям корочку удостоверения.

«...хотя – что такого они нарушают? Разве хоть один из пунктов уголовного или административного кодексов запрещает запихивать ветхую легковушку в стену?..»

Один из «нарушителей», очень крупный, широкоплечий мужчина с аккуратной бородкой и длинными усами, шагнул мне навстречу. В правой руке он держал увесистый саквояж.

– Погодите, господа полицейские... – начал он, но не договорил – его бесцеремонно перебил невзрачный господин в пенсне.

– Что вы тянете, господа? Не видите, червоточина затухает? Ещё несколько секунд – и будет поздно!

Физиономия владельца пенсне выдавала крайнюю степень тревоги. В руках он, словно спасательный круг, сжимал странную проволочную конструкцию. Я на мгновение скосил глаза – лиловое пятно (червоточина?) тускнело на глазах.

Молодой человек в длинной, старомодной шинели (зачем? На дворе же лето!) выдернул из кармана руку. Грохнул выстрел, парень отпрыгнул в сторону, спиной врезавшись в господина в пенсне. Тот попятился, пытаясь удержать равновесие, взмахнул руками, проволочная штуковина с дребезгом отлетела в сторону и рассыпалась по асфальту. Господин горестно взвыл, и в этот момент саквояж, брошенный его усатым спутником, с размаху ударил мне в грудь – и я спиной вперёд влетел в затухающую лиловую блямбу.

Москва, Гороховская улица,

Апрель 1888 г.

То же самое место.

Алиса качнулась назад, бампер ударил её под колени, и девушка с размаху уселась на плоский капот, каким-то чудом не выпустив из рук драгоценную «искалку». Она едва успела подумать – почему это машина остановилась? – когда в узкий зазор между боком «двойки» и стеной подворотни, в которую загадочным образом обратилась «червоточина», влетел спиной вперёд парень в обнимку с увесистым саквояжем. Она сразу узнала саквояж – минуту назад она видела его в руках Гиляровского. А вот и сам репортёр – возник между стеной подворотни и правой дверцей машины, из ничего, как только что появился незнакомец. Алиса заметила на костяшках кулака Гиляровского знакомый шипастый кастет.

– Куда ж ты влез, яти тебя!.. – прорычал он и двинулся к парню. Тот, не устояв на ногах, с размаху хлопнулся задом на покрывающую двор неровную брусчатку, и теперь сидел, нелепо вытянув перед собой ноги, в обнимку с саквояжем. Физиономия его выражала крайнюю степень то ли испуга, то ли удивления. А может, и того и другого сразу.

В глубине подворотни что-то рассыпчато загрохотало, залязгало. Девушка обернулась – и замерла от неожиданности. Там, где несколько мгновений назад была разлита чёрно-лиловая мгла, в проём подворотни врывались солнечные лучи, освещая нелепо осевшую на задок машину. Причём самого задка не было – «двойку» словно рассекло гигантским ножом, отхватив изрядную часть багажника, и теперь содержимое разрезанных коробок и упаковок с весёлым дребезгом раскатывалось по мостовой. Булыжной, не асфальтированной, отметила девушка.

Секундой позже к этим звукам присоединились крики:

– ...Ванятка, глянь-кось, экое диво из подворотни торчит!

– ...откель оно тут взялось-то, а?

– ...А хто ж яго знает? Ща позырим...

Гиляровский не растерялся – он ловко протиснул свою немаленькую тушу на улицу и грозно взревел, размахивая для убедительности кулаком, с которого успел стащить кастет:

– А ну, кыш отсель, пострелята! Уши надеру, как бог свят!

Трое или четверо мальчишек, чумазых, в суконных поддёвках и высоких картузах – брызнули в стороны, не успев добраться до рассыпанных по мостовой гостинцев из двадцать первого века, старательно заготовленных дядей Юлей. «Кстати, а где он сам? – успела подумать Алиса. – Старик ведь был в разрезанной машине – цел ли он, не зацепила ли его лиловая мембрана? Нет, вот он: сидит на водительском месте, судорожно дёргает ручку дверцы. Бесполез-

ное занятие – машина вплотную прижалась к стене подворотни, и выбираться придётся с противоположной стороны...

Дядя Юля и сам это сообразил – сердито закричал, замахал руками, пытаясь привлечь внимание племянницы. Но все звуки заглушил звонкая трель свистка.

...полиция? Городовые? Или, как у них тут менты называются?..

...так выходит, они уже *там*?..

Жестяной свисток, издававший пронзительные звуки, сжимал в кулаке бородатый мужик в высоченном картузе и полотняном фартуке, украшенном блестящей медалькой на пёстрой ленте. Кроме свистка работник дореволюционного коммунхоза был вооружён метлой из ивовых прутьев на деревянной ручке, отполированной множеством прикосновений корявых лапищ. Алиса невольно усмехнулась – наверное, на таких вот приспособлениях летали воспитанники одной школы волшебства, скрытой где-то в горах, на севере Англии...

Дворник, казалось, вовсе не был удивлён внезапным появлением гостей из будущего в сопровождении груды высокотехнологичного хлама. Решительно орудуя своим инструментарием, он вместе с Гиляровским расшугал мальчишек. А когда на месте событий возник городской, солидных габаритов усач в форменной шинели с саблей на боку и шнуром от револьвера на шее, принялся что-то горячо ему объяснять, тыча корявым тёмно-коричневым пальцем то в перегороденную подворотню, то в окна второго этажа. Алиса расслышала только отдельные фразы: «жильцы его степенства господина Овчинникова...», «лисопедная мастерская...» да ещё резанувшее «состоит под особым надзором». И тут же из толпы возникли двое молодых людей с неприметными физиономиями в гражданском платье и принялись вместе с дворником и городовым разгонять зевак: «расходитесь, господа хорошие, неча тут глазеть, не велено!..» Самых настойчивых и любопытных разгоняли плухами и тычками в спину рукоятью метлы и сабельными ножами – похоже, нравы тут царили незамысловатые.

Вдоволь насладившись этим зрелищем, Алиса обернулась к искалеченной «двойке». Дядя Юля по-прежнему воевал с дверцей – ему мешали груды коробок, наваленных на пассажирском сиденье. А от подъезда к подворотне уже бежали люди в кожаных фартуках, картузах и тужурках, немедленно вызвавших в памяти Алисы слово «мастеровые». Парень с саквояжем по-прежнему пребывал в ступоре, и Алиса шагнула им навстречу, лихорадочно гадая, что будет говорить – но тут из подворотни во двор протиснулся Гиляровский.

– Слава Богу! – он широко перекрестился и обратился к набегающим «мастеровым». – Ну-ка, живенько, собирайте тут всё и на склад, к господину Семёнову!

– Не извольте беспокоиться, Владимир Лексеич! – бодро ответил первый, судя по виду – начальник. – Всё в лучшем виде сделаем, который уж день вас ожидаем, предупреждены...

И замахал руками в сторону подворотни:

– Фомич, пригляди там, чтобы не растащили чего не надо! Сейчас людей пришлю, всё подберут!

Фомич – так, оказывается, звали дворника – невнятно крикнул что-то в ответ, вновь огласив улицу трелью свистка.

Гиляровский обратился к девушке.

– Как вы, Алиса Николаевна, в порядке? – осведомился он. – Ничего, сейчас поднимемся в фатеру к господину Семёнову, у меня и ключик имеется – отдохнёте, дух переведёте. А я пока с нашим попутчиком побеседую.

И повернулся к незнакомцу. Тот уже поднялся на ноги и ошалело озирался по сторонам – на него, в свою очередь, во все глаза пялились трое молодых людей в синих с блестящими пуговицами форменных шинелях, устроившиеся в середине квадратного дворика, на лавочке, с книгами в руках.

– Ну и откуда вы взялись? – осведомился репортёр вкрадчиво-мягким тоном.

– А... я... что вообще происходит? – молодой человек, наконец, смог выдавить из себя что-то внятное.

– А то, что вы нам чуть всё нам не испортили прыжками своими обезьянскими! – немедленно отозвался Гиляровский. – Ещё немного, и не железяку эту, а вашего покорного слугу пополам бы разрезало!

– Я не знал... простите... я не хотел... – пролепетал парень. Саквояж он по-прежнему прижимал к груди. Репортёр вздохнул, шагнул к нему и отобрал своё имущество. Для этого пришлось по одному разжимать пальцы, судорожно стискивавшие кожаную ручку.

– А коли не знали, чего ж полезли, куда вас не просили? Или в вашей полиции принято сначала делать всякие дурости, а только потом думать? Решительно, ничего не меняется на этом свете...

– Кто-нибудь, наконец, мне поможет? – раздался дребезжащий старческий голос. Алиса обернулась – дядя Юля ухитрился-таки приоткрыть дверцу и высунул из салона голову. Гиляровский расплылся в улыбке.

– Вижу, вы живы-здоровы Юлий Лексаныч? Вот и хорошо, вот и славно! Погодите немного, сейчас вытащим вас...

И, снова обернувшись к незнакомцу, сердито рявкнул:

– Что остолбенели, аки Лотова супружница? Раз уж наломали дров – извольте теперь растаскивать! Хоть какой прок от вас будет. *И* вы, господа студенты, прекращайте глазеть и помогите, что ли...

Молодые люди в шинелях (студенты? Ну да, они же носили форму...) – засуетились, побросали на скамейку книги и кинулись к «двойке». Алиса ощутила, что ноги у неё подкашиваются – и, чтобы не свалиться на землю, она оперлась на стену, не обращая внимания на изгваздавшие пальто меловые пятна.

«... Получилось!...»

– Не получилось у них. – сказал Геннадий. Они с Егором уже в третий раз проходили мимо стены дома, где снимал квартиру Семёнов – точнее, мимо того участка дома, где, как им было известно на собственном опыте, открывался портал. Если. Конечно, у вас в кармане имеется тёмная бусинка от древних коптских чётков, волшебный ключик к двери между то ли измерениями, то ли эпохами.

Бусинка у Геннадия была. Предводитель радикалов-террористов, явившихся из двадцать первого века, и успевших учинить покушение на царствующую особу плюс громкие беспорядки со стрельбой и гонками на мотоциклах по патриархальным московским улочкам, сжимал заветный шарик в потной ладони. Тем не менее, стена оставалась гладкой – насколько вообще может быть гладкой небрежно оштукатуренная стена захудалого московского домишки.

– У них не получилось. – повторил он. – В смысле, не вышло восстановить портал, или червоточину, как они там его называют...

– Но сами-то они пройти смогли! – возразил его спутник. – Вон, даже «жигуль» за собой перетянули, пусть и располовиненный...

– То-то и оно, что располовиненный. – недовольно отозвался Геннадий. – драгоценная, но увы, бесполезная в настоящий момент бусинка жгла ладонь, как живое напоминание его бессилия. – По ходу, портал работал какое-то ограниченное время, а потом схлопнулся. И открыть снова уже не смогли.

– Это ещё почему?

– Если бы могли, то наверняка перетянули бы на эту сторону остатки груза, тот, что были в отрезанном багажнике. Логично, Егор?

Собеседник немного подумал и кивнул.

– То-то! И вообще – не подумал, почему они поволокли с собой такую уйму груза разом?

– Как это – зачем? Барахло всякое из будущего нагрузили, компы, оборудование, может, даже оружие. Тут всё пригодится!

– Но зачем сразу столько переть, если портал снова действует? – сощурился вожак. – Куда проще, да и безопаснее переправлять потихоньку, малыми партиями, не привлекая внимания. Нет, я думаю, они сами не были уверены, что портал откроется в следующий раз – вот и постарались хапнуть как можно больше. И ведь оказались правы: открыться-то он открылся, да только вот ненадолго. Машину – и ту целиком пропихнуть не успели, хорошо хоть, никого из людей пополам не разрезало.

– А чё, прикольно было бы – ухмыльнулся Егор. – Прикинь: лужа кровищи на мостовой, кишки... то-то народишко перепугался бы!

Геннадий поморщился. Хоть он сам не страдал излишним гуманизмом – по правде говоря, он им вообще не страдал – но незамысловатые фантазии товарища по борьбе были ему неприятны.

– Останешься тут. – сухо распорядился он. – Наблюдение с дома не снимать, мы должны знать, что они собираются делать. Только не светись, не мы одни будем... присматривать.

– И всё? – разочарованно спросил собеседник. Он явно ожидал чего-то другого. Например, вооружённого налёта на неприятельскую базу, битком набитую вещами, на их глазах, доставленными из будущего.

– Пока всё. Наши друзья наверняка постараются восстановить червоточину, и вот этого момента мы пропустить не должны. И, кстати...

Виктор ненадолго задумался.

– Напомни, тебе ведь случалось ходить через второй портал?

– Это который под землёй? – уточнил Егор. – Доводилось, а то как же! Уйму всякого барахла через него перетаскал. Только он ведь тоже схлопнулся! Недавно только проверяли – голяк, нету там ничего.

– Надо будет ещё раз проверить. И вообще, установить там постоянное наблюдение.

– В этой вонючей дыре? – спутник Геннадия с отвращением скривился. – Нет уж, я лучше здесь поторчу...

Где прикажу – там и будешь торчать. – оборвал недисциплинированного помощника вожак. – Забыл, что у нас сейчас стоит на карте? Короче, как тебя тут сменят, начинай готовить вылазку в подземелье. Вечером доложишь, что и как. Да, и с этой минуты – полное радиомолчание. У наших друзей наверняка есть рации со сканерами частот, и пользоваться ими они умеют.

Он повернулся на каблуках и скорым шагом направился вниз по Гороховской, оставив соратника размышлять о предстоящей тому малоприятной миссии. И ни сам соратник, ни он сам не заметили, как от стены дома напротив отлепился малоприметный господин в поддёвке и картузе и, помахивая подобранной на мостовой веточкой, направился следом за Геннадием.

II

*Москва, ул. архитектора Казакова
июль 2015-го года.*

Ромка вскинул «пепербокс». Антикварный пистолетик трижды плюнул искрами и облачком ватно-белого дыма. Эффект получился так себе – бутафорские хлопки выстрелов не смогли заглушить даже жестяного треска, с которым пули пробивали тонкий металл «жигулёвского» кузова.

Второй из незваных гостей, тощий, нескладный парень, издал придушенный вопль, отшатнулся и вырвал из кармана руку – в ней ходуном ходил пистолет. Рефлексы, вбитые в «войсках дяди Вовы», не подвели: Ромка перекатом ушёл с линии огня, но тощий так и не выстрелил – его палец судорожно жал на спуск «Макарова», но ничего не происходило. «Вот лох, забыл передёрнуть затвор! – мелькнула насмешливая мысль.

И – вздрогнул, словно его окатило ушатом холодной воды. «Стоять на месте! Уголовный розыск!» – так, кажется, крикнул напарник тощего? Выходит, Ромка стрелял в полицейского? И неважно, что он старательно отводил стволы «перечницы» в сторону, чтобы не приведи Господь, не задеть кого-нибудь – для статьи, причём весьма тяжкой, и этого хватит с избытком. «Нападение на сотрудника правоохранительных органов с применением оружия» – а ведь он собирался задержаться пока на этой стороне портала и, желательно, не в роли обвиняемого...

Тощий, наконец, сообразил, что он делает что-то не так. Скривившись, он неумело вцепился в затвор «Макарова» и дёрнул его на себя – и в этот момент сбоку в него врезался Шурик. Тощий качнулся, пытаясь удержаться на ногах, реконструктор же резким ударом снизу подбил его руку, сжимающую оружие, отлетевший в сторону пистолет громко залязгал по асфальту. Ромка с облегчением перевёл дух, опустил «пепербокс» – и замер в недоумении.

Лиловая блямба, в которой только что канул Гиляровский – он ринулся в портал вслед за напарником тощего, улетевшего туда в обнимку с саквояжем репортёра – вдруг запульсировала, вспыхнула по краям ослепительной нитью. Евсеин (он замер в нелепой позе, держа перед собой погнутую при падении «искалку») охнул, а световая нить уже сжималась, подобно удавке, вокруг торчащих из портала «Жигулей». Электрический треск, сноп фиолетовых искр – и светящееся пятно исчезло, оставив после себя острый запах озона и обрубленный, словно ножом гильотины, багажник легковушки. На какое-то мгновение мир замер – и тут же по переулку рассыпался жестяной грохот. Обрубок автомобиля осел на асфальт, рассыпая вокруг коробки, свёртки и стопки книг – всё то, что дядя Юля с такой старательностью отбирал и упаковывал в течение этих полутора суток. Ромка попятился, чертыхнулся, споткнувшись о бордюр тротуара, и принялся запихивать в карман «перечницу». Тощий остекленевшими глазами пялился на девственно-чистую стену, где мгновение назад красовалась лилово-светящаяся клякса портала. Шурик за его спиной опустился на корточки, нашаривая брошенный пистолет – взгляд его тоже не отрывался от многострадальной стены. За спиной у него стоял, растопырив руки, другой приятель Алисы – кажется, она называла его Олег, Олежик?

«...ну вот, приехали...»

*Москва,
июль 2015-го года.
Несколько часов спустя.*

– Кой чёрт понёс меня на эту галеру? – пробубнил Колян. Он уже в который раз повторял эту фразу, и Ромку всё тянуло спросить – о какой это галере идёт речь?¹ Пока он сдерживался.

¹ Жан-Батист Мольер «Плутни Скапена».

– Ты посуди: а где иначе ты взял бы такое? – отозвался Шурик. – Наверное, читаешь, книжки про попаданцев? Вот и повезло самому испытать!

– Не читаю я их. – горько вздохнул эксперт Басманного УВД. – Это наш капитан Верховцев увлекается, а я всё больше фэнтези...

– Джордж Мартин? – встрял Ромка. Уж в этом-то он разбирался.

– Дался вам этот Мартин! – поморщился Колян. – Будто мало других авторов, настоящая классика. Пол Андерсон, к примеру, или та же Нортон...

Ромка вздохнул и не стал отвечать. Обмен репликами повторялся слово в слово уже в третий раз. Или в четвёртый? Он сбился со счёта.

Вообще-то, мужика можно понять. Портала на стене старого московскогодомишки, исчезновение в нём трёх человек – от такого кто угодно потеряет самообладание. К тому же его напарник толком не объяснил, чего следует ожидать. И даже пистолет, из которого эксперт так и не сумел выстрелить, на поверку оказался травматом. Разве ж так полиция работает?

Как я теперь объясню пропажу Онуфриева? – уныло осведомился Колян. – Он же наш сотрудник, хоть и практикант. Его хватятся, искать будут!

– А вы кого-нибудь предупредили, куда собираетесь пойти? – поинтересовался Шурик. – Не знаю, как у вас полагается: журнал какой-нибудь регистрации...

– Не. – эксперт отрицательно помотал головой. – Никому мы не докладывались. А меня он взял меня как свидетеля, чтобы подтвердить, когда придётся начальству докладывать.

– Что вы вообще собирались нам предъявить? – спросил Ромка. – Мы ведь ничего не нарушили, верно?

– Ну... – эксперт замялся. – Я толком не знаю, это всё Славка... Онуфриев, то есть. Думаю, документы проверили бы, а там нашёлся бы повод прикопаться. Вон, револьвер ваш – чем не причина для задержания?

И кивнул на карман Ромкиной шинели, где прятался «пепербокс».

– Всё равно, как-то странно. – задумчиво сказал Олежик. Он устроился на стареньком, протёртом чуть ли не до дыр, канаве и от участия в беседе до сих пор воздерживался. – Ну, хорошо, допускаю, нашёлся бы повод для задержания. – И как бы вы вдвоём бы нас четверых повязали и доставили в отделение? У тебя, смотрю, и наручников-то нет...

– И не троих им пришлось бы доставлять, а шестерых. – добавил Шурик. – Этот твой Ярослав не мог знать, что Алиса и дядя Юля уйдут в червоточину, верно?

Колян кивнул. Что тут возразишь? Операция позорнейше провалена, и единственное утешение – что его личной вины в этом, кажется, нет.

Колян снова пожал плечами.

– Я не вникал, я ж не оперативник. А хоть бы и вник – вы на моём месте в такой бред поверили бы? Люди возникают посреди тротуара, снег на ботинках летом... Я, честно говоря, решил, что Славке что-то померещилось. Переутомился, бывает – он уже два дня носился, как подорванный с делом той полусумасшедшей бабки...

– Ну ладно... – Шурик потербил пальцами подбородок. – Что вы больше никому о своих планах не говорили – это хорошо. Или могут всё-таки поинтересоваться?

Колян задумался.

– Кто-нибудь мог видеть, как мы вместе из ОВД выходили...

– Ну и что? Мало ли, куда он потом мог пойти? Короче, придумаешь что-нибудь, не маленький. Формально-то ты за него не отвечаешь?

Снова кивок.

– Ну вот. Искать его, конечно, будут, но вряд ли уж очень старательно. От студента, практиканта чего угодно можно ожидать: скажем, перебрал на вечеринке и мучается теперь с похмелья. Или у девицы какой завис. А пока его ищут – мы всё и устроим.

Колян сам не понимал как из вполне лояльного сотрудника полиции (пусть не оперативника, а гражданского эксперта, но всё же...) он успел сделаться сначала сочувствующим, а теперь и полноправным членом этой странной компании. Прав, прав Шурик: он попросту не смог отказаться от поразительного, невозможного приключения, в одночасье сделавшегося реальностью. На такое его душа, душа мечтателя и страстного поклонника фэнтези оказалась не способна.

...всё происходило словно в мороке – словно он, подобно персонажам фантастических романов, перенёсся в другой мир. Выслушав сбивчивые объяснения незнакомцев, он поверил им – сразу и безоговорочно, чего никак не могло случиться в привычной реальности. А как не поверить, если только что, собственными глазами видел, как исчезали, тонули в фиолетовой блямбе человеческие фигуры? И ведь вещественные доказательства налицо: задняя часть Вазовского фургона, ровно, словно лезвием гигантского скальпеля, отсечённая по самые колёсные арки. Начинка багажника, все эти коробки, ноутбуки, ламповые осциллографы – всё это носило следы столь же безупречного хирургического вмешательства. К тому же, с точки зрения уголовного кодекса предъявить новым знакомым нечего – и это оказалось последним, решающим аргументом.

...потом они с помощью троицы таджиков в тёмно-синих куртках местного «Жилищника», неведь где найденных тем же Шуриком, грузили на тележку и перетаскивали вывалившийся из багажника хлам во двор Ромкиного дома – благо, это оказалось совсем рядом, всего в полутора кварталах. Туда же на руках отволокли обрубок «Жигуля», а потом долго таскали «багаж» на третий этаж, в Ромкину квартиру – огромную, старомодной планировки, с высокими потолками и круглой прихожей, в которую выходили высокие двери комнат и кухни.

Всё когда-нибудь заканчивается – закончился и этот сумасшедший аврал. Колян со вздохом опустился на стул. Ноги его подгибались, лоб покрылся мелкими капельками пота, руки ощутимо дрожали. Шурик удалился в прихожую, чтобы расплатиться с таджиками; Романглянул на вымотанного эксперта, покачал головой и извлёк из буфета, старинного, как и вся квартира, бутылку коньяка и горсть тяжёлых, литого зеленоватого стекла, стопок.

Вернувшийся из прихожей Шурик оценил масштаб приготовлений и одобрительно кивнул. Первым делом он усадил доцента Евсеина (так Коляну представили старомодно одетого господина с козлиной профессорской бородкой) на диван, избавил его от странной провололочной конструкции, которую тот всё это время не выпускал из рук, и сунул вместо неё полную стопку, каковую доцент, не поморщившись, оприходовал. Эксперт последовал его примеру, ощутив, как волна огненной жидкости растекается по пищеводу, как отпускает нервная трясучка, кашлянул в кулак – и, помедлив не больше секунды, протянул порожнюю стопку Ромке. Тот понимающе хмыкнул и разлил по второй.

– Специально для наших новых друзей повторю то, что мы уже имели случай обсудить...

Евсеин бросил взгляд поверх пенсне быстрый взгляд сначала на Коляна, потом на Олежика. Действительно, подумал Ромка: ни тот ни другой не присутствовали на том знаменательном совещании, когда хроноприключенцы окончательно определились с планами.

– Итак, портал, который нам предстоит отыскать, первыми нашли двое мальчиков, Иван Семёнов и Николка Овчинников. Причём они спустились под землю на той, так сказать, стороне...

Доцент сделал неопределённый жест. Ромка, авно привыкший к многословию Евсеина, покорно ждал.

– У нас имеется сделанное ими описание – но, как вы понимаете, здесь оно нам мало поможет. Кроме того, по сложности нынешние... хм... подземные коммуникации... – доцент старательно выговорил непривычный термин, – значительно превосходят то, с чем имели дело наши юные первопроходцы. Я бы попросил Романа Николаевича вкратце изложить...

– Да чего тут излагать, Вильгельм Евграфыч? – перебил доцента Шурик. – Уж сколько раз мусолили...

Ромка недовольно глянул на реконструктора – что за манера перебивать старшего? Тот поймал взгляд и сделал примирительный жест: «Всё, молчу...»

Ромка откашлялся и начал:

На нашей стороне портал выводит в заброшенную метрополитеновскую подсобку. Когда пацаны сообразили, куда попали, то вскрыли дверь подсобки, прошли пару десятков шагов по техническому тоннелю, упёрлись в тупик и вынуждены были вернуться. А потом сведения об этом попали к Войтюку – и тот сразу понял, что получил бесценный шанс.

На этих словах Ромка запнулся, вспомнив, какую роль сыграла в этом его собственная сестра, состоявшая тогда в группе Геннадия.

– В общем, они проникли в подземелье по следам мальчишек, прошли портал и в свою очередь оказались в подсобке. Вскрыли тупик, прошли дальше по техническим тоннелям, и тут им повезло – они не натолкнулись ни на рабочих метрополитена, ни на охрану. Потом это всё каким-то образом стало известно Войтюку. Они нашли заброшенную вентиляционную шахту, выходящую в подвал дома где-то в районе Ильинки – на стороне двадцать первого века, разумеется. Подвал этот оказался давным-давно заброшен; они распечатали вход и довольно долго пользовались им для того, чтобы перебрасывать туда и обратно грузы и своих сторонников.

– Что ж, недурно, недурно... – перебил его доцент. – Значит и мы, если откроем этот портал, сумеем и дальше использовать его подобным образом!

Ромка поморщился.

– Сначала надо его найти – и при этом не нарваться на неприятности. Если Войтюк со своими гавриками так долго пользовался этой крысиной норой, и при этом не попались – значит, отыскать её не так-то легко. А времени у нас всего ничего, три дня до первого сеанса связи.

– К счастью, – встрял Шурик, – у нас есть Вильгельм Евграфыч с его «искалкой». Она ведь не слишком пострадала, как я понимаю?

Доцент пожал плечами.

– Ничего такого, что я бы не смог исправить. Но, как вы понимаете, убедиться в этом можно будет только на практике.

– Боюсь, это легче сказать, чем сделать. – покачал головой Ромка. – Центр Москвы, Кремль в двух шагах, а тут мы с какой-то непонятной штуковиной, в которой первый встречный ФСБшник прямо-таки обязан предположить антенну какой-нибудь шибко шпионской аппаратуры! Да пяти минут не пройдёт, как нас задержат и препроводят для выяснения!

– Мы это уже обсуждали. – согласился Евсеин. – Помнится, вы упоминали о неких молодых людях, которые там бывали? Может, они нам помогут?

Ромка скептически хмыкнул.

– Вы имеете в виду ребят Войтюка? Эти помогут, ждите... Да и не добратся сейчас до них: мы знаем только об одном, Дрон его кликуха. Но он сейчас в Сербского, а это дохлый номер.

– Точно. – подтвердил Колян, обрадованный тем, что может вставить хоть словечко. – Оттуда подследственного не вытащить, нечего и пытаться.

– А я о чём? – Ромка для пущей убедительности развёл руками. – А остальные, про кого мы точно знаем, что они пользовались порталом – все на той стороне. Кто у Корфа под замком, кто сбежал с Геннадием, и сейчас их ловят. Так и так нам до них не дотянуться.

– Единственный вариант – пошарить у них по квартирам – по тем, где они жили здесь, в двадцать первом веке. – предложил Шурик. – Может, у кого записи остались, схемы какие, файлы в домашних компах? Адреса имеются, спасибо Роману...э-э-э... как тебя там по батюшке?

– Дмитриевич. – отозвался Ромка. Собираясь отправляться с Евсеиным, он на всякий случай прихватил с собой флешку с протоколами допросов взятых радикалов. Там, в числе прочего, имелись и домашние адреса каждого из сообщников Геннадия.

– Риск, конечно, немалый. – продолжал тем временем Шурик. – Следки наверняка изучили связи Дрона, вычислили его подельников и вполне могли взять квартиры под наблюдение. Так что ты, – он обернулся к Коляну, – возвращайся в своё ОВД и попробуй навести справки. Для начала, об их компьютерщике, Викторе. Ну и вообще, присмотрись, что и как. После сегодняшней нашей эскапады на Казакова кто-нибудь может поднять кипиш – вроде той введливой бабки, с которой начался весь сыр-бор. Неплохо бы знать об этом заранее.

Эксперт пожал плечами и неохотно кивнул, соглашаясь с новыми... друзьями? Единомышленниками? Может, подельниками? Поди теперь, разбери! Попала собака в колесо – пищи, а беги...

Такого удачного, такого плодотворного дня у Антонины Сергеевны ещё не случалось. Как и такого волнительного тоже – попробуйте-ка оставаться равнодушной, когда шайка насквозь подозрительных личностей, по поводу которых она плешь проела полиции, учинили на её родной улице архитектора Казакова нечто невообразимое!

И дело не в том, что они снова, всей толпой (она насчитала не меньше шести человек) появились на том же самом месте – возле двухэтажного особнячка, что стоит через улицу, наискось от её восьмиэтажки. И даже не в том, что приволокли с собой нагруженную, словно цыганская арба, малолитражку. Но когда они принялись запихивать свой рындван прямо в стену дома, где (Антонина Сергеевна точно это знала, поскольку по несколько раз в день ходила мимо) отродясь не было подворотни – это уже не лезло ни в какие ворота! Как и то, что началось потом: внезапное появление двух молодых людей, в одном из которых бдительная дама опознала заходившего к ней полицейского. Неожиданная потасовка, несколько негромких хлопков (выстрелы? Нет, неубедительно как-то, несерьёзно...) И кульминация всей сцены, когда тяжело гружёный «Жигулёнок» на глазах потрясённой наблюдательницы распался надвое, словно под ножом гильотины. Причём передняя часть исчезла неизвестно куда, словно растворившись в стене – а задняя с дребезгом обрушилась на тротуар, рассыпая вокруг какие-то коробки и свёртки. Антонина Сергеевна выждала, когда подозрительные личности уволокли весь хлам вместе с обрубком фургона, вышла на улицу и чуть ли не ощупала стену особняка. И... ничего: свежая штукатурка, ни малейшего следа арки, подворотни, хотя бы небольшого отверстия!

Что ж, теперь-то ни один Фома Неверующий из Басманного отделения полиции не посмеет сказать, что Антонине Сергеевне померещилось! Поскольку происходило это посреди бела дня, найти свидетелей не проблема, да и сама бдительная дама не теряла времени даром: всё, начиная с появления странной компании, она отсняла на свою мыльницу. Больше полу-сотни кадров – она просмотрела их все, скопировала на ноутбук и с трудом удержалась от соблазна выложить этот поразительный фоторепортаж в сеть. Пет уж, лучше подождать до завтра и самой отнести обличительный материал в полицию, и пусть только посмеют снова от неё отмахнуться! А если всё же посмеют – Антонина Сергеевна знала, в какие газеты, телепередачи и интернет-издания она отошлёт эти, без преувеличения, сенсационные материалы!

Приняв решение, женщина закрыла ноутбук и заторопилась на улицу. Предстояло опросить соседей, найти свидетелей, в идеале – убедить их дать письменные показания. Если уж делать что-то, считала бывшая завуч, то делать это следует хорошо.

Напоследок, уже запирая входную дверь, Антонина Сергеевна попыталась припомнить – куда делась та девица, что мелькала в этой истории с самого начала? Поначалу она её ясно видела, а вот на финальных кадрах, когда компания принялась растаскивать рассыпавшийся по тротуару хлам, девицы уже не было. Незаметно отошла, свернула за угол? Или – исчезла в стене дома, подобно отрезанному куску «Жигулей»? Загадки, сплошные загадки...

Ну, ничего, она в них обязательно разберётся. Теперь уж – наверняка.

III

Москва,

Апрель 1888 г.

Три дня спустя.

Под ногами вязко хлюпало. Бледно-зелёный химический свет, безнадежно вяз в смрадном тумане, заполняющем тоннель, так что едва различалась кирпичная кладка стен, испещрённая мерзкого вида пятнами плесени и потёками бурой слизи. А уж до потолка свечение, испускаемое тонкой пластиковой трубочкой, и вовсе не добивало. И не надо – включив на несколько секунд налобник (заряд аккумулятора следует экономить, мало ли что?) я содрогнулся от отвращения, разглядев мелкие осклизлые сталактиты, во множестве усеивающие свод. Довольно высокий, надо признать – а я-то ожидал, что в подземной клоаке Белокаменной придётся передвигаться на полусогнутых...

Спросите, как я тут оказался? Хороший вопрос, сам не устаю задавать его себе. Приходилось слышать древнюю мудрость: «Бойся исполнения собственных заветных желаний»? Так вот, мой случай.

О чём может мечтать стажёр-практикант следственного отдела, напросившийся на преддипломную практику в Басманное ОВД Москвы с выпускного курса юридической академии, поскольку давно решил пойти в розыск? Правильно, о единолично раскрытом резонансном, громком деле – таком, чтобы попало в сводки по городу, чтобы репортёры криминальной хроники умоляли об интервью, а однокурсники при встрече хлопали бы по плечу, завистливо повторяя: «ну, ты дал старик!» Но – реальность такова, что мечты эти обречены остаться мечтами, и ничего кроме мелкой, незначительной текучки стажёру не поручат. Будут держать на подхвате у «старших товарищей».

Так что новое дело, хотя и мелкое, но всё же вполне самостоятельное, выглядело подарком судьбы. И что с того, что «заявительница» имела устойчивую репутацию первостатейной склочницы? Моё дело: разобраться, оформить бумаги надлежащим образом и положить на стол начальству. А уж там – как получится. Глядишь, и возьмут на заметку, как перспективного молодого кадра...

Так-то оно так – если бы не одно маленькое «но». За этой историей, более всего похожей на бред городского сумасшедшего (какие-то тайные агенты, облучающие обывателей психотронным оружием...) скрывалась тайна. Пет, ТАЙПА – из разряда тех, которые способны либо сделать причастного к ней мировой знаменитостью, либо поставить крест на дальнейшей карьере, а то и упрятать в соответствующее заведение. И не нашлось никого, кто подсказал бы преисполненному энтузиазма стажёру-практиканту: «остановись, скинь это паршивое дело начальству, ему виднее...» Пет. Побоялся выставить себя на посмешище, решил самостоятельно докопаться до истины.

Вот, значит, и докопался... Неизвестные личности, возникшие посреди бела дня на тротуаре улицы Казакова, хоть и не имели отношения к психотронному оружию, зато оказались самыми настоящими пришельцами из девятнадцатого столетия. На то, чтобы установить этот поразительный факт, у меня ушло меньше суток – после чего, подавив затухающий голос здравого смысла (Не лезь! Доложи начальству, и пусть разбирается, у него зарплата выше!...) решил довести дело до конца. Благо, затеянное гостями из прошлого позволяло прихватить их с поличным.

И вот итог: фанфаронская попытка захвата «хроноприключенцев» закончившаяся тем, что излишне рьяный стажёр-практикант припечатался задницей к булыжной кладке, покрывающей старый московский дворик. И с ужасом осознал, что он-таки довёл до конца своё дело,

проникнув вслед за «подозреваемыми» через таинственный портал на полторы без малого сотни лет в прошлое. А нависший над ним крупный мужчина в старомодном пальто с барашковым воротником, поигрывающий надетыми на пальцы правой руки шипастым кастетом – несомненно, один из «предков», писатель и журналист Гиляровский, чьими книгами упомянутый стажёр-практикант зачитывался в юности, когда только собирался избрать карьеру сыщика...

– Ярослав, чего застыл, аки соляной столб? Углядел что?

Я обернулся. Шагах в пяти позади маячил в густых испарениях силуэт репортёра. Он был в высоких кожаных бахилах и кожаном же фартуке – обычное снаряжение рабочих, обслуживающих московскую клоаку. В левой руке покачивалась керосиновая лампа, в правой тускло поблёскивал полицейский «Смит-Вессон» – точно такой же оттягивал и мою руку в неуклюжей трёхпалой перчатке от ОЗК. В огромной лапище Гиляровского револьвер казался игрушкой.

Я хотел ответить: «Нет, Владимир Алексеич, всё в порядке», но вовремя сообразил, что через фильтр противогаза пробьётся только невнятное бормотание. Тогда я успокоительно помахал зеленовато светящейся трубочкой ХИСа, повернулся и направился дальше.

Это была уже вторая вылазка в подземную Москву – за те трое суток, прошедших с момента, когда брошенный могучей рукой Гиляровского саквояж буквально вынес меня сквозь «червоточину». Эти трое суток оказались необычайно насыщенными: сначала пришлось выслушать всё, что путешественники во времени думают о моей скромной особе (хоть рожу не набили, и на том спасибо!), а потом – неожиданно для самого себя согласиться принять участие в аванюре, ради которой мои новые «партнёры» и вернулись в девятнадцатый век.

Только не спрашивайте, в чём она заключается! Старикашка, которого они называли «дядя Юля» – язвительный, желчный, похожий на изрядно усохшего гнома – попытался объяснить мне суть происходящего, но вскоре бросил, осознав тщетность своих усилий. Я не настаивал: мозги вскипели конкретно, и всё, что я смог понять – это что нам предстоит обшарить старинную канализационную сеть, чтобы отыскать ещё один портал, двойник того, через который мы сюда угодили. Как, почему перестал действовать первый – я тоже не сумел понять, усвоил только, что единственный путь назад, в двадцать первый век, лежит через вонючие, заполненные ядовитыми миазмами тоннели московской клоаки. А раз так – я готов приложить все усилия, чтобы отыскать заветный «Сезам, откройся...»

Хотелось ли мне посмотреть на то, как жили предки? Ну, ещё бы! Только вот времени на это не было совершенно, подготовка к первой вылазке съела его без остатка. И всё, что мне довелось увидеть в прошлом – это скудные виды, наблюдаемые из извозничьей пролётки. Да немногие дома, которые удалось опознать по прежним воспоминаниям.

Извозчик (местный аналог такси) высадил нас где-то в районе Варварки, откуда пришлось добираться пешком, петляя между сараюшек и заборов, загромаждавших московские дворики. Кроме нас с дядей Гиляем в вылазке участвовали ещё двое молодых людей. Один из них (по виду сущий оборванец) довёл нас до лаза, ведущего в подвал, и остался караулить наверху – под лохмотьями вполне хитровского вида я заметил у него «Смит-Вессон», такой же, как у меня самого. Его напарник, тоже вооружённый до зубов, собирался лезть в местную преисподнюю вместе с нами.

Репортёр представил их, как сотрудников некоего детективного агентства – оказывается, их коллеги встретили нас во время эффектного появления на Гороховской и с тех пор старательно опекают. Зачем, почему? Из его намёков я понял только, что в успехе нашей миссии заинтересованы некие влиятельные силы, а вот какие именно – это загадка. Далеко, впрочем, не единственная.

Подземный рейд не затянулся. Поначалу мы воодушевились, обнаружив метки, оставленные на стенах предшественниками, но хватило этого ненадолго – подземная сырость оказалась безжалостна к флуоресцентной краске, светящейся в ультрафиолетовых лучах. Мы разыскали

не больше полудюжины меток, отойдя от спуска в подземелье не дальше, чем на пару сотен шагов. Гиляровский порывался идти дальше, полагаясь на свою память – ему-то уже приходилось бывать здесь – но почти сразу сбился с пути. Так что, хочешь не хочешь, а пришлось по образному выражению репортёра, «поворачивать оглобли» – подниматься вверх, возвращаться в квартиру на Гороховской и в спокойной обстановке готовиться к новой попытке.

Тем временем остальные «гости из будущего» занялись каждый своим делом. Дядя Юля разбирали и сортировали груды техно-хлама, включая разрезанную порталом «Жигуль-двойку». Помогали ему двое рабочих (здесь их именуют «мастеровыми») из «лисапетной мастерской», оказавшихся, к моему удивлению, в курсе межвременных интересов работодателя. Основательно же устроился тут господин Семёнов, ничего не скажешь...

Алиса Фролова, девица-фотограф, третья наша спутница, придя в себя после перехода, занялась – чем бы вы думали? Правильно, шоппингом. В этом ей помогала супруга домовладельца – взяв извозчика, женщины направились на Ильинку, в Верхние торговые ряды (нынешний ГУМ, если кто не в курсе) и проторчали там до вечера. Надо ли говорить, что следующий день был точно так же посвящён знакомству с ассортиментом модных лавок Кузнецкого моста? И там Алису ждал сюрприз, о котором она поведала нам за ужином – одна из модисток предложила посетительницам иллюстрированный каталог парижской фирмы, в продукции которого посетительница с удивлением узнала вполне современные для обитательницы двадцать первого века образчики женского белья.

Разгадывать эти загадки было некогда, поскольку мы с головой ушли в изучение «наследия первопроходцев». Иван Семёнов, школьник из двадцать первого века и Николка Овчинников, сын домовладельца, гимназического учителя Овчинникова были «открывателями» обоих порталов – и того, через который мы явились сюда, и другого, подземного, который только ещё предстояло найти. Это они оставили на своём пути флуоресцентные маркеры, и они же составили карандашную схему – а кроме того, как выяснилось, припрятали в чулане квартиры господина Семёнова кучу диггерского снаряжения. Противогазы, шахтёрские ребристые каски, аккумуляторные фонари, костюмы химзащиты с налипшими обрывками скотча, которым безразмерные балахоны подростки подгоняли себе по размеру, и початая коробка химических источников света. И как это мы ухитрились проглядеть такое сокровище, собираясь в прошлую вылазку?

Гиляровский от ОЗК отказался. Безразмерный-то он безразмерный – но на огромную фигуру репортёра налезал с трудом. Противогаз он так же решительно отверг, сунув в карман марлевую маску и пузырёк со скипидаром – «это если совсем уж мочи не будет сносить смрад». По словам Гиляровсконо, труженики московских подземелий засовывали в ноздри пучки смоченной скипидаром пакли, но сам он от этой меры предпочитал воздерживаться: «мусорно, чихотно, лучше уж перетерпеть...»

Молодой человек из «сыскного бюро» (он собирается сопровождать нас и в следующей вылазке) тоже отказался от незнакомого снаряжения, предпочитая проверенные методы – марлю и скипидар. Я с трудом убедил спутников сунуть в карманы по несколько ХИСов, предварительно объяснив, как ими пользоваться.

Пока, правда, этого не понадобилось. Я шёл во главе небольшой процессии, старательно обшаривая стены лучом ультрафиолетового фонарика – вдруг, да попадётся одна из старых отметок, оставленных Иваном и Николкой? Но увы, примерно через полтора часа поисков Гиляровский остановился на очередной развилке, долго изучал схему, после чего объявил, что мы, кажется, забрели не туда, и лучше не испытывать судьбу и подняться вверх, чтобы хорошенько подготовиться к третьей по счёту попытке. Что мы и сделали, выбравшись на поверхность где-то в районе Старой площади – и видели бы вы, какие взгляды бросали на моё снаряжение немногочисленные в этот вечерний час прохожие!

На обратном пути (извозчик, унюхав исходящие от нас ароматы, заломил двойной тариф) я принялся гадать: как-то приходится тем, кого мы оставили на той стороне? Двое «хроноприключенцев», доцент Евсеин (великий, если верить Гиляровскому, знаток всего, что связано с порталами), отставной сержант – ВДВ-шник Роман Смольский, и два парня, знакомые Алисы Фроловой. А ещё – мой приятель и коллега Колян, Николай Миркин, сисадмин и эксперт из Басманного ОВД, которого я, не подумав о последствиях, втянул в это паскудное дело.

То-то он, наверное, поминает меня сейчас – и всё больше «тихим, незлым словом»...

IV

Москва,

Апрель 1888 г.

Около полудня.

Шопинг – проверенное средство для любой женщины вернуть себе душевное равновесие. И оно, как выяснилось, работает в веке девятнадцатом ничуть не хуже, чем в двадцать первом с его бутиками и торговыми центрами.

Впрочем, они имелись и здесь, разве что, назывались иначе. Торговым центром с некоторой натяжкой можно было считать Верхние Торговые Ряды – беспорядочное скопление лавчонок и магазинчиков, образовавших настоящий лабиринт на том месте, где, как Алиса помнила, должен однажды появиться ГУМ. Не совсем, впрочем, на том самом: прежнее здание торговых рядов, в стиле «ампир», с портиками и колоннадой, построенное после пожара Москвы 1812-го года архитектором Бове давно обветшало, и два года назад было закрыто по решению городской управы. Торговцы же перебрались во временные лавчонки, клетушки и сараюшки в ожидании завершения строительства грандиозного здания, для возведения которого было учреждено «Акционерного общества Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве».

Роль бутиков играли лавки модисток, сосредоточенные, по большей части, на Кузнецком мосту. Туда-то Алиса и направилась в сопровождении Ольги Георгиевны, супруги учителя Овчинникова, Николкиного дяди и владельца дома на Гороховской. Две женщины быстро нашли общий язык – по большей части, благодаря солидному запасу косметики и прочих женских штучек, которые Алиса предусмотрительно захватила с собой, собираясь в прошлое. И не прогадала: ассортимент лавочек, торгующих местными аналогами столь необходимых любой уважающей себя женщине товаров, мог вогнать девушку из «продвинутой» эпохи в оторопь.

И здесь её ожидал сюрприз. В одном из «бутиков», когда Алиса просматривала парижский журнал мод (здесь, оказывается, были и такие!), в глаза ей бросилось нечто странное. Девушка пригляделась, перелистнула несколько страниц и недоумённо нахмурилась. Представленные на разворотах журнала последние модели дамского белья разительно отличались от прочего ассортимента – им, скорее, было место на страницах изданий совсем другого времени. На вопрос – «а можно ли приобрести эти модели?» – хозяйка заведения объяснила, что продукция парижского модного дома «Вероника» пользуется невероятным спросом, и заказы надо делать, самое меньшее, за полгода. Алиса кивала, соглашаясь – ажиотаж вокруг сверхпопулярных брендов был ей очень даже знаком...

Покинув, наконец, последнюю из модных лавок, женщины подождали извозчика. Дождались, когда приказчики взгромоздят на пролётку штабель свёртков, коробок и шляпных картонок, содержимое которых составляло новый Алисин гардероб – платье и прочие предметы туалета, добытые в театральной костюмерной, не выдерживали, как выяснилось, никакой критики. Потом обсудили, следует ли сначала отвести покупки домой (решено было отправить их на Гороховскую с рассыльным) – и велели, наконец, отправляться. Ольга Георгиевна предложила спутнице перекусить в кофейне Жоржа, на углу улицы Никольской и Лубянской площади – «ах, дорогая, там такие меренги, пальчики оближете!» – после чего в их планах значился ещё один визит.

Москва, Варварка,

Часом позже.

Московские обыватели привыкли называть неприметное заведение на Варварке «часовой торговлей Штокмана» – хотя оно и занимало только первый этаж трёхэтажного здания. Когда же венский еврей Ройзман купил часовую лавочку у самого Штокмана, отъехавшего в свой родной Гамбург, и вывеска сменилась на горделивое «Ройзман и брат. Торговля часами и полезными механизмами. Вена, Берлин, Амстердам», обыватели сделали вид, что ничего не изменилось. Штокман, Ройзман – какая, в конце концов, разница? Оба очевидные иудеи, как и полагается приличным часовщикам, а сами часы в стеклянных витринах тесного, отделанного тёмными дубовыми панелями зала, как тикали, так и тикают – мелодично, вразнобой, время от времени раздражаясь звоном колокольчиков, музыкальными трелями да кукушечьими головами разных тонов. И даже когда ни вывески, ни часовой торговли, ни, тем более, «полезных механизмов» в здании в помине не осталось, прежнее название никуда не делось – осталось, въелось намертво в сам фасад здания, какие бы надписи его не украшали. Штокман и Штокман, чего выдумывать-то? Скажешь любому извозчику или, скажем, рассыльному – и сразу понятно, о чём речь.

Около дверей бывшей лавки Штокмана женщины остановились.

– Должна признаться, милочка, что меня попросили привести вас сюда. – сказала Али-сина спутница, нажимая на массивную бронзовую ручку. Дверь подалась – в ответ где-то в глубине помещения хрустально звякнуло. – Нет-нет, не надо расспрашивать, скоро вы всё и сами узнаете. Пройдусь пока по магазинам, а потом загляну за вами – скажем, через час.

Девушка совсем было собралась ответить, – как из дверного проёма женский голос, и на пороге возникла молодая женщина:

– Не стоит утруждать себя, дражайшая Ольга Георгиевна! Ступайте по своим делам и не беспокойтесь – мы позаботимся о нашей гостье.

– Что ж, тогда я вас оставляю. – сказала Алисина спутница, как показалось девушке – с облегчением. Женщины чопорно раскланялись, после чего Ольга Георгиевна направилась в сторону Гостиного двора, а новая знакомая приветливо улыбнулась и посторонилась, пропуская Алису внутрь.

– Так вы ничего не слышали о Якове Моисеевиче? – осведомилась собеседница. Алиса с Натальей Георгиевной (зовите меня по-простому, Натальей, милочка!) сидели у резного круглого столика, который украшал небольшой, изящной работы самовар, чашки с блюдцами и небольшие тарелочки с крошечными пирожными. Точно такими Алиса лакомялась в кофейне «У Пьера» – видимо, сотрудники «частного сыскного бюро» (так новая знакомая, назвавшаяся называла контору) пользовались доставкой готовой еды. Интересно, подумала Алиса, они делают заказы по телефону, или оставляют список, скажем, на неделю вперёд? Телефон здесь имелся – монументального вида устройство в коробке из красного дерева, с литыми бронзовыми уголками, рубчатым раструбом и ещё одним, висящим на торчащем сбоку крючке. Как пояснила Наталья Георгиевна, обнаружив интерес гостьи к «аппарату Белла», в первый раструб следовало говорить, а второй – подносить к уху.

– Совсем немного. – ответила Алиса, прихлёбывая чай из маленькой, тончайшего, почти прозрачного фарфора, чашке. – Ромка... Роман как-то начал рассказывать о здешних знакомых, но у него так мало времени...

– Да, Роман Дмитриевич не слишком многословен. – Наталья тонко усмехнулась. – Он, конечно, человек замечательный, но рассказчик из него неважный. К тому же сейчас он... как бы это сказать... не вполне доступен, верно?

Алиса кивнула, соглашаясь. Действительно, молодой человек остался в двадцать первом веке, чтобы опекать доцента Евсеина.

– Что ж... – Наталья потянулась к маленькому фарфоровому чайнику. – Попробую возместить вам этот недочёт.

И подлила гостье сначала ароматной, густо-янтарного цвета заварки, а потом и кипятка, повернув фигурную ручку крана, украшающую пузатый бок самовара.

– Яша... простите, Яков Моисеевич, у нас в конторе заведено по-простому – был раньше приказчиком в часовой лавке Ройзмана. Позже он познакомился с господином Семёновым, выполнил для него несколько поручений, в том числе и довольно деликатных – и неожиданно открыл в себе талант сыщика. И в результате – вот!

Наталья Георгиевна сделала жест, обводя рукой вокруг. Алиса кивнула. История еврейского юноши, ставшего первым частным детективом Российской Империи и партнёром строжайше засекреченной организации Д.О.П., всерьёз её заинтересовала. Всё, связанное с гостями из двадцать первого века, воспринимались, как приключенческий роман: путешествия на Ближний Восток и в Африку, освобождение доцента Евсеина, первооткрывателя чудодейственных порталов, похищенного бельгийцем ван дер Стрейкером. Потом ожесточённая

борьба с бандой радикалов, проникших из будущего и вознамерившихся устроить покушение на Государя – новая знакомая ничего от неё не скрывала.

За беседой время летело незаметно. Они наполовину опустошили тарелочки с эклерами и меренгами (Алиса всерьёз начала опасаться за свою фигуру), когда дошла очередь до тем, близких обеим женщинам – моды вообще, и на продукция «Парижского дома мод «Вероника» в частности.

Алисины подозрения подтвердились: создательницей заинтересовавших её моделей оказалась гостья из будущего, некая Вероника Клеймёнова, состоявшая некогда в группе радикалов Геннадия Войтюка. Кроме неё там в группе была ещё одна девица, Ольга Смольская, студентка мединститута. Ей-то и пришла в голову светлая мысль: наладить доходное предприятие, доставляя из двадцать первого века через портал косметику, женское бельё и прочий, как выразилась Алисина собеседница, «деликатный дамский товар». Однако дело не задалось: Ольга увлеклась романом с лейтенантом Никоновым, отошла от дел группы, а потом и вовсе переметнулась на другую сторону. Вероника же, особа, как оказалось, весьма практичная и не лишённая коммерческой жилки, идею подхватила и творчески развила. И когда она в свою очередь порвала с Войтюком и его соратниками, то не оставила перспективного начинания – перебралась с помощью Стрейкера в Париж, где и основала модный дом «Вероника». Мало того, добавила Наталья Георгиевна: сам Яша (Яков Моисеевич Гершензон, владелец «частного сыскного бюро» и доверенный агент руководителя Д.О.П. а), который провёл в Париже около года, свёл с Вероникой близкое знакомство.

Говоря об этом, Наталья вздохнула, так, что Алиса заподозрила: не выходят ли её отношения с боссом за служебные рамки, и не вызвана ли такая реакция обыкновенной ревностью? Вообще-то, красотой собеседница похвастаться не может: волосы жиденькие, пегие, грудь откровенно плоская – самым выдающимся (во всех отношениях) признаком на лице является нос. Подобные девицы редко избалованы мужским вниманием и держатся либо тихо, подобно серым мышкам, либо нарочито бесцеремонно. Но Наталья Георгиевна ведёт себя уверенно, явно не испытывая комплексов по поводу внешности. Тоже красноречивый знак: с личной жизнью у неё явно всё в порядке. Алиса готова была спорить на что угодно, что в комодке у милейшей Натальи Георгиевны хранится кое-что из «деликатного дамского товара» – и не приобретенное по каталогу на Кузнецком, а присланное напрямую из Парижа. Вряд ли этот её Яша не позаботился о своей сотруднице и пассивности...

– ...с бароном Корфом вы тоже не знакомы, как я понимаю?

Алиса обнаружила, что собеседница успела сменить тему, извлекла из ящика бюро пачку фотографий и веером разложила их перед гостьей.

Сердце у девушки пропустило такт. Он, барон Корф! То в официальной обстановке, в окружении мужчин в разномастных мундирах, то в спортивном зале (как поспешила объяснить Наталья, раньше барон держал в Москве фехтовальный клуб), то верхом, на сером жеребце, в кавалергардском мундире, блестящей кирасе и каске с имперским двуглавым орлом на гребне...

Часть фотографий были цветные и, как безошибочно определила Алиса опытным глазом профессионального фотографа, сделаны не самым дорогим цифровым аппаратом. И не это её сейчас интересовало – девушка жадно рассматривала снимки, борясь с желанием выпросить их у владелицы.

– Кстати, – заметила Наталья Георгиевна, дождавшись, когда Алиса оторвётся от фотоснимков, – Яков Моисеевич недавно вернулся в Россию из Франции. Сейчас он в Петербурге – какое-то важное поручение по линии Д.О.П. – но вскорости они с Корфом должны быть в Москве. Тогда и познакомитесь с баро... с ними обоими, дорогуша.

И спрятала улыбку, увидев, какой неподдельной радостью вспыхнули глаза гостьи.

– Однако же, засиделась я, пора и честь знать... – Алиса промокнула губы салфеткой и сделала вид, что собирается встать. – Да и спутница моя будет волноваться – вы же обещали, что не будете меня задерживать, а мы второй час тут сидим!

Уходить ей не хотелось совершенно. Незаданных вопросов оставалось ещё немало, не говоря уж о прибавившихся новых. Но – часы в резной башенке в углу конторы, только что отзвенели пять пополудни. Действительно, пора...

– Что ж, надеюсь, мы с вами ещё не раз будем иметь случай побеседовать. – Наталья мило улыбнулась. – Одну минутку, дорогуша, я вызову вашего провожатого.

И нажала на латунный грибок звонка на углу бюро. В соседней комнате мелодично звякнуло, и тут же в двери возник молодой человек лет примерно шестнадцати – одетый, как приказчик из приличной лавки, круглолицый, русоволосый, со škодливой ухмылкой на веснушчатой физиономии.

– Прошу любить и жаловать, – Наталья сделала жест рукой в сторону новоприбывшего. – Семён, один из лучших наших сотрудников. Доставит вас домой в целости. Всё понятно, Сёма?

– Чего ж тут непонятного? – отозвался веснушчатый. – Сделаем в лучшем виде. Лево-рверт брать?

Женщина задумалась – впрочем, всего на пару секунд.

– Бери, только какой поменьше. «Бульдог», что ли бельгийский? А то будет торчать из-за пазухи, только городских смущать почём зря. Да, и рацию возьми, не забудь! Докладывай каждые полчаса, смотри у меня!

– Понял, Натальягеоргиевна! – кивнул Семён, развернулся на пятках и шустро кинулся прочь. И уже с порога, не оборачиваясь, добавил:

– Только уж и вы не грешите, выдайте пару пятиалтынных на извозчика. Не пёхом же барышне с ейными нежными ножками топтать отседова до самого Лефортова?

И, не дожидаясь ответа, скрылся в соседней комнате, откуда тотчас донесся металлический лязг открываемой дверцы несгораемого шкафа. Надо полагать, решила Алиса, там находится арсенал «сыскного бюро», а заодно – хранилище разного рода высокотехнологичного оборудования.

– Незаменимый кадр. – вполголоса прокомментировала Наталья. – В Москве знает каждый закоулок, с любым извозчиком знаком, и с любым городовым. И на Хитровке за своего сойдёт, и на Сухаревом рынке у него полно знакомых. Честен до щепетильности – копейки не украдет, но при том не упустит случая выклянчить лишний медяк на расходные суммы или как вот сейчас, проездные. Знает же, паршивец, что отсюда до Гороховской гривенник красная цена!

– Я всё слышу, Наталья Георгиевна! – раздался из соседней комнаты весёлый, с нотками упрёка, голос. – Довольно стыдно вам наговаривать на приличных людей!

– Кстати... добавила усмешкой Наталья. – Насколько я знаю, ваши спутники сейчас занимаются подготовкой нового визита... м-м-м... туда?

И показала большим пальцем в пол.

Алиса кивнула. Она уже поняла, что собеседница в курсе всех их дел. Вылазка действительно готовилась, уже третья по счёту, и девушке предстояло принять в ней участие – как ни крути, а «искалка»-то настроена именно на неё. Об этой перспективе она предпочитала пока не думать – очень уж не хотелось представлять себя в смрадных подземельях, где неизвестно что может встретиться...

Наталья снова улыбнулась – на этот раз сочувственно, уловив, похоже, её страхи.

– Тогда позвольте порекомендовать вам Семёна. Лишним он не будет, уверяю вас....

Она обернулась к двери в комнату-арсенал.

– Семён, как ты, согласен?

А то, как же, Натальягеоргиевна! – парень снова возник на пороге. В правой руке он держал моток ремней, из которого торчала рукоятка револьвера, а в левой – неуместная здесь плоская чёрная коробочка УКВ-рации. – Оченно благодарен буду, если барышня меня с собой возьмут. Не подведу, как Бог свят!

И истово перекрестился, ухитрившись не выпустить при этом из рук оружейной сбруи.

– Тогда решено. – кивнула Наталья Георгиевна. – Отправляйтесь, Алиса, дорогуша. Семёна можете оставить при себе до самой вашей... – она снова замялась, – ...экскурсии. Пригодится, да и связь с нашей конторой у вас будет – и по рации, и сбегает, если что...

Алиса снова кивнула и вслед за провожатым, на ходу напяливавшим под поддёвку наплечную кобуру, направилась к выходу.

V

*Москва,
Площадь трёх вокзалов.
Апрель, 1888 г.*

Пролётка протарахтела по брусчатке Каланчёвской улицы, свернула, оставив справа здание Рязанского вокзала², и выкатилась на площадь. В этот час здесь было не протолкнуться: среди извозчичьих пролёток и телег ломовиков плыли, подобно пароходам в гуще рыбацких лодчонок, вагончики недавно пущенной до Сокольников конки. Шум, гам, ругань – то весёлая, то озлобленная. Экипажи сцепляются осями, озлобившиеся кучера то хватаются за вожжи, растаскивать, то слезают с облучка и суют виновнику столкновения кулачищем в физиономию, встречая столь же тёплый приём. Лошади ржут, храпят, кусаются, между телегами шныряют мальчишки, стреляя по сторонам острыми глазёнками. Несутся с разных сторон трели свистков – городовые вносят свою лепту на площади столпотворение. Московские пробки, версия 1888 года.

– Вам к самому Николаевскому, барин? – Извозчик, бородатый дядька в подбитом ватой кафтане и четырёхугольной высокой шапке, отороченной заячьим мехом, повернулся к пассажиру. – Я к чему: ежели, значить, торопитесь – лучше бы вам пешочком прогуляться, а то мы тут д-оолгонько телепениться будем. Сами видите, какой Содом с Гоморрою!

Геннадий сунул извозчику горсть медяков и сошёл с пролётки. Предстояло миновать площадь, не угодив при этом под конские копыта – желательно, не вступив по дороге в изгаженный навозной жижей апрельский снег или россыпь конских яблок. Появляться в заляпаных дрянью туфлях в ресторане Николаевского вокзала, по праву считающемся одним из лучших заведений Первопрестольной, ему не хотелось.

Правила конспирации, которые Геннадий не уставал вдалбливать своим соратникам, предписывали по возможности избегать подобных мест массовых скоплений людей. В особенности – вокзалов, где и полицейские агенты работают, и жандармские филёры, и это помимо карманников и жуликов всех мастей, тоже способных создать массу ненужных проблем.

Но сегодня приходилось рисковать. В полученном накануне послании было ясно указано место, и не явиться на эту встречу Геннадий не мог. Риск, конечно, немалый, и единственное, что он мог сделать – принять все мыслимые меры предосторожности. Для этого Геннадий предварительно два часа кружил по городу, менял извозчиков, пересаживался на конку, дважды заходил в питейные заведения, пока не убедился в отсутствии слежки.

Неизвестно, кого сейчас стоит опасаться сильнее – жандармских шпииков или собственных сторонников? Те ведь не забыли, чем закончилось недолгое сотрудничество с авантюристом по имени Стрейкер: подставой, перестрелкой, гибелью одного из боевиков-радикалов, а под конец – поспешным бегством бельгийца в сопровождении другой предательницы, Вероники Клеймёновой. Кое-кто до сих пор полагал, что последующий провал покушения на императора, как и неудача московской вылазки, целиком на совести Стрейкера и его пассии...

Сам Геннадий, однако, подобных иллюзий не питал. Да, в своё время он с удовольствием пустил бы бельгийцу пулю в лоб – но с тех пор немало воды утекло и слишком многое успело перемениться. Несколько месяцев назад эмиссар Стрейкера вышел на Геннадия и предложил сотрудничество, намекнув, что представляет некую весьма серьёзную организацию. Ответа на вопрос – «какую именно?» – не последовало, но по некоторым недомолвкам Геннадий догадался, что речь идёт о британской разведке. Судя по всему, Стрейкер снова вернулся в Россию, но в Москве ни разу не засветился – действовал, в основном, в Петербурге, опекая столичные

² Так до 1893 г. Назывался нынешний Казанский вокзал.

масонские и эзотерические тайные общества. Как жалел Геннадий, что не имеет возможности проследить за деятельностью бельгийца! Но все, на кого он мог рассчитывать (по большей части, это были студенты-народовольцы, причастные к мартовскому покушению на императора) давно схвачены или бежали за границу.

На сотрудничество он, конечно, согласился. А что оставалось? После катастрофического мартовского разгрома в прошлом году, у них не было ни денег, ни надёжных явок, ни связей. А «варяжский гость» с ходу выложил весьма солидную сумму, посулив ежемесячные щедрые вливания – а в перспективе и помощь в налаживании полезных контактов за границей. И не обманул – без его помощи группе ни за что не удалось бы встать на ноги и возобновить активную деятельность, пусть и в нынешних, скромных масштабах.

Сегодня предстояла очередная встреча с их «ангелом-хранителем», и можно было только гадать, случайно ли совпали два события: его появление в Москве и – возвращение Евсеина со товарищи из будущего. Геннадий в подобные совпадения не верил.

Здание Николаевского вокзала – роскошное, выстроенное из багрово-красного кирпича, обильно украшенное резьбой, лепниной и прочими атрибутами николаевского ампира, нависало над Геннадием. Справа от распахнутых дверей, откуда хлынул поток пассажиров с прибывшего петербургского почтового, угадывалось крыльцо ажурного чугунного литья – вокзальный ресторан первого класса. Он затормозил, пропуская людскую волну и, миновав вращающиеся стеклянные двери, вошёл в буфетный зал.

Здесь, в замкнутом мире особо важных персон, было пусто, тихо и чисто – разительный контраст с шумной, грязной привокзальной площадью. Повсюду крахмальная белизна скатертей, отсветы электрических светильников – модной новинки, не так давно появившейся в старой столице – играют на выпуклых боках китайских ваз и начищенных до блеска бронзовых канделябрах. Имперский стиль главной дороги, связывающей старую и новую столицы, тщился паразитить приезжих своим великолепием.

– Чем могу служить, сударь? Столик? Отдельный номер?

Метрдотель, предупредительный, важный как премьер-министр, и в столь же безупречной фрачной паре, возник беззвучно, словно ниоткуда.

– Меня здесь должны ждать. – ответил Геннадий. – Господин...

Он назвал имя – вымышленное, разумеется. Они не пользовались настоящими именами. К самому Геннадию его визави при прошлых встречах обращался «герр Шелькинг».

Метрдотель отступил в сторону, сделав приглашающий жест. Геннадий направился к дальней стене, где рядом с кадкой, в которой красовался невероятных размеров фикус, его уже ждал посланец Стрейкера.

Последовал обмен обязательными в таких случаях репликами – «здравствуйте, как добрались, не утомились ли в дороге?» Официант с кипенно-белой крахмальной салфеткой на сгибе локтя вручил им книжки меню в бордовом сафьяне, с бронзовыми уголками. Гость сделал вид, что изучает винную карту, а сам, улучив момент, пододвинул к собеседнику латунный ярлычок – по нему следовало получить в камере хранения вокзала саквояж с наличностью. Правила конспирации незыблемы – никаких передач из рук в руки! После чего, слегка понизив голос, гость осведомился, что герр Шелькинг и его коллеги намерены предпринять в связи с «известными обстоятельствами»?

Переспрашивать, о чём идёт речь, Геннадий не стал. Яснее ясного, что собеседник имеет в виду возвращение Евсеина. Он в деталях, умолкая, когда возле столика возникал официант с очередной переменной блюд, описал действия группы, включая и наблюдение за домом на Гороховской, и слежку за их «подопечными» уже дважды пытавшимся найти путь к подземному порталу. И, разумеется, главное: подготовку к силовой акции. Гость слушал, не перебивая.

– Недурно, герр Шелькинг. – сказал он, когда Геннадий, наконец, замолк и откинулся назад на своём стуле, давая понять, что «доклад окончен». – Однако, придётся внести в ваши планы некоторые изменения. Вы ведь, как я понял, намерены возглавить предстоящую операцию?

– Разумеется! Дело слишком важное, чтобы...

– Поручите его кому-нибудь из своих помощников. – перебил гость. – Вы отбываете сегодня вечерним курьерским в Петербург. Времени у вас... – он вынул из жилетного кармана часы на цепочке, – около пяти часов, постарайтесь не опаздывать. Плацкарту для вас я уже приобрёл, вот, держите... – тут он поднял ладонь, угадав, что собеседник собирается возразить, – ...и давайте обойдёмся без ненужных дискуссий. Вы же, как я понимаю, не испытываете желания попасться жандармам, или, хуже того, агентам Д.О.П. а? А именно это и случится, если вы не выполните моих распоряжений.

И махнул рукой, подзывая официанта.

Через пять часов петербургский курьерский уносил «господина Скоблева» прочь из Москвы. Геннадий был мрачен – беседа с Егором, на которого он спихнул руководство предстоящей операцией, далась нелегко. Доверенный помощник явно что-то заподозрил – судя по тому, какие вопросы пытался задавать, и как недоверчиво кривился, выслушивая ответы. «Партийная дисциплина», а в особенности, переданный Егору саквояж с очередным «взносом», тем не менее, сделали своё дело верх – трижды проговорив план операции, Геннадий вернулся домой, уложил в чемодан самое необходимое (свежая сорочка, ТТ с глушителем, две пачки патронов, цифровой фотоаппарат, ноутбук с солнечной зарядкой и горсть флешек) велел дворику найти извозчика и уже во второй раз за этот суматошный день, направился на Николаевский вокзал. Происходящее ему не нравилось, и оставалось только надеяться, что посланец его заграничных друзей знает, что делает. До сих пор у Геннадия не было повода усомниться в его осведомлённости своего контрагента. А вот в намерениях бельгийца, стоявшего за его спиной, он не был так уверен. Не стать бы разменной монетой в очередной игре, в которой кроме них играет и кое-кто посерьёзнее – прикидывал он, созерцая в открытое настёжь вагонное окно серенькие апрельские сумерки. Британская разведка славится своей хваткой и бес-

принципностью – а уж в России англичане чувствуют себя вольготно ещё со времён убийства Павла Первого.

Паровозный гудок, долгий, прерывистый, прервал его размышления. Видимо машинист заметил на путях какого-нибудь разиню и попытался предупредить его о налетающей опасности. Здесь, на окраинах, несчастные случаи с гибелью людей под колёсами поезда приключались с удручающим постоянством – особенно там, где подмосковные деревеньки с их питейными заведениями, располагались вблизи путей. Геннадий представил себе предсмертный ужас хмельного бедолаги, в последний момент обнаружившего, что на него летит пышущее угольной копотью и искрами стальное чудище – и воображение вдруг переключилось на Егора и прочих его соратников, от которых он удалялся со скоростью пятьдесят вёрст в час. Как ни крути, а предупреждение Стрейкера могло значить лишь одно: группа под колпаком жандармов, и дни её сочтены. Какую форму примет провал, оставалось лишь гадать – будет ли это засада в московских подземельях, или их будут хватать поодиночке? Теперь, когда во главе группы стоит Егор, не блещущий ни умом, ни тактической смекалкой, шансов у них не осталось. А вот у Геннадия они, наоборот, имеются – пока жандармы зачищают Москву, он успеет раствориться в столице Империи, тем более, что посланник Стрейкра реально в нём заинтересован.

Это циничное рассуждение отозвалось в душе лёгким уколом совести – но и только. Он давно научился разминивать своих сторонников, как шахматные фигуры – на успех, на временное преимущество, на собственную безопасность, в конце концов. И эти жертвы, безусловно, оправданы, раз они позволяют продолжить борьбу, которую он – пусть и с некоторой натяжкой, – считает главным делом всей своей жизни.

VI

*Москва,
2015 г.*

Замок щёлкнул, и дверь, едва слышно скрипнув, приоткрылась. Ромка на несколько секунд замер, но из квартиры не донеслось ни звука. Тогда он осторожно извлёк из замочной скважины изогнутые блестящие штучки и осторожно, боком, протиснулся внутрь. Шурик с маленьким рюкзаком в руке пролез следом. Олежик остался на лестнице этажом ниже – на стрёме. Или, если хотите, на шухере.

Набор отмычек раздобыл Колян – позаимствовал с обширного склада вещдоков у себя в отделении. И заодно – научил Ромку пользоваться этим инструментарием. Хитроумная воровская приспособа, изъятая у гастролировавшего в столице домушника, не подвела новых владельцев: капля масла в замочную скважину, лёгкий скрежет, серия металлических щелчков – и скрытые в толщине двери ригели послушно клацнули, открывая незваным гостям доступ в квартиру.

Ромка на цыпочках, стараясь не издать ни звука, вошёл в тёмную прихожую и потянул из кармана фонарик.

– Убери! – зашипел за спиной поделщик. – Забыл, что наш великий эксперт говорил? Вон, выключатель справа от двери...

Ромка мысленно выругал себя, запихнул фонарик в карман и зашарил по стене. Колян не раз повторял, инструктируя будущих взломщиков: «...и не вздумайте пользоваться фонариками! Это только в кино хорошо, а на деле, мелькающие в тёмном окне отсветы очень заметны с улицы и могут привлечь ненужное внимание. Сейчас, конечно, не прежние времена, бдительных граждан не так много, но можете и нарваться. Вспомните хотя бы Славкину домовую учительницу... Так что, просто включайте свет – освещённые окна в многоквартирном доме самое обычное дело, и кто знает, в какой они квартире... Шторы, правда, лучше задвинуть, так спокойнее.

Так и поступили, ограничившись светом в прихожей и в единственной интересовавшей их комнате. Виктор жил с тёткой на девятом этаже панельной двенадцатиэтажки в Новых Черёмушках. Его родители несколько лет назад погибли в автокатастрофе. Сама тётка сейчас была на даче и, судя по битком набитому рекламными листками почтовому ящику, не появлялась в Москве не меньше двух недель. Так что, торопиться было некуда, при необходимости в квартире можно было копаться хоть до утра. Тем не менее, новоявленные домушники не собирались задерживаться – комната Виктора оказалась совсем небольшой, самый тщательный обыск не должен занять много времени.

Для начала, Шурик выпотрошил стоящий на столе системный блок – снял жёсткий диск и выгреб из стола гору флешек, карт памяти и лазерных дисков. Заодно, прихватили стоящий на углу стола маленький плоский ноутбук. Включать настольный компьютер они даже не пытались – не время, с этим можно будет разобраться позже, в спокойной обстановке.

Пока напарник занимался мародёрством, Ромка разбирал бумаги. Их оказалось неожиданно много – а он-то был уверен, что всё сколько-нибудь значимое «подследственный» держит в электронном виде! Ию нет, на столе и в ящиках нашлось несколько блокнотов и общих тетрадей, заполненных заметками, явно имеющими отношение к предмету их интереса. Даже беглого взгляда, брошенного на бумаги, хватило, чтобы понять: Виктор основательно углубился в изучение порталов. Ромка наугад открыл одну из тетрадей, и среди математических выкладок и строк, состоящих из непонятных символов и букв (шифр? вполне возможно...) обнаружилась знакомая картинка – пересекающиеся и параллельные прямые, соединённые дугами. Точки пересечения прямых и дуг были помечены латинскими буквами и цифрами.

– Глянь сюда... – он показал рисунки напарнику. – Знаешь, что это такое?

Тот мотнул головой и озадаченно уставился на «подельника».

– Нет, впервые вижу. А что?

– Мировые линии параллельных измерений. Дядя Юля рисовал такие, чтобы объяснять механику межвременных переходов. Правда, у него схемы были попроще, две-три линии – а тут видишь, сколько всего наворочено!

Действительно, на некоторых рисунках линий было не меньше пяти, и они ветвились, образуя веерообразные пучки.

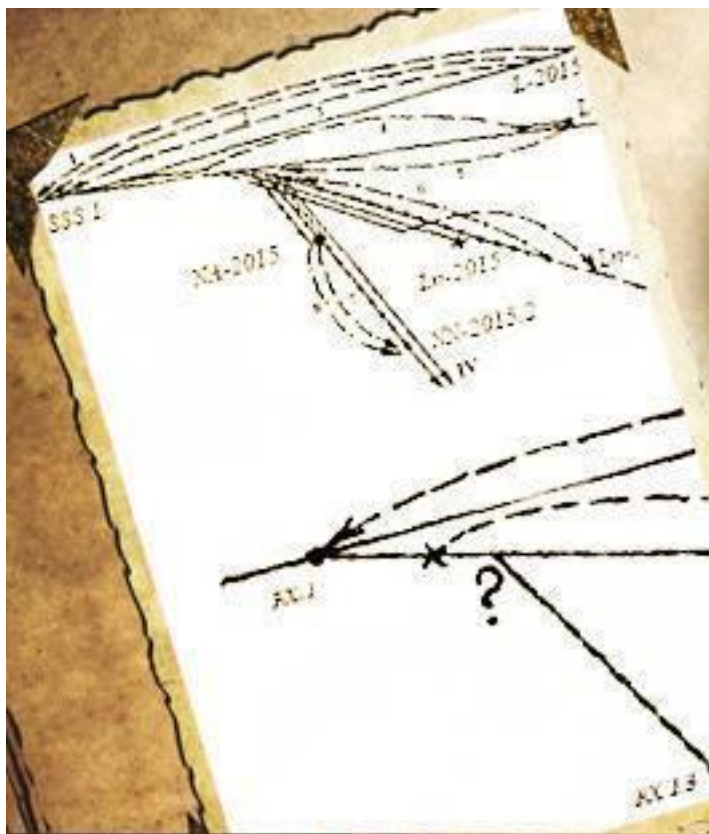
– Ну, линии и линии. – Шурик не оценил Ромкиной находки. – Лучше скажи, схема подземелья есть?

Ромка мотнул головой.

– Тут много всего, я ещё не успел просмотреть. Может, где-то и найдём.

– Тогда складывай всё в рюкзак, и пошли. Сколько наш психиатр на лестничной клетке уже торчит – два часа, три? Прикопается кто-нибудь шибко бдительный, стуканёт полиционерам – а нам оно надо?

– Что ж, главная проблема решена. – Шурик отодвинул тетрадку и выпрямился на стуле, довольно потирая руки. Глаза у него блестели.

Они снова сидели на квартире, на улице Казакова. После бессонной ночи глаза слипались. Приходилось терпеть: счёт времени шёл уже не на дни – на часы.

Ромка потянул тетрадку к себе. На развороте был аккуратно перерисован фрагмент карты в районе улицы Варварка – с отмеченными проходными дворами, парковками, даже мусорными баками. Вот и камеры наблюдения с расходящимися от них усиками секторов обзора. Красным крестиком помечен вход в подвал, за которым располагается вожаемый спуск в подземные коммуникации.

Ромка перевернул страницу. А это уже схема подземной части маршрута: отмечен каждый поворот, каждая запертая дверь, каждый технический тоннель. А это что? Ага, проход, ведущий к тому самому тупику. Судя по записи на полях, соратники Геннадия каждый раз наскоро прихватывали отодранные железные листы сваркой, для чего у них припрятан портативный сварочный аппарат – вот здесь, в помеченном на схеме тайнике. Отлично, будем иметь в виду...

– Кто-нибудь умеет пользоваться сваркой? – спросил Олежик. Похоже, он думал о том же самом.

Ромка кивнул, за ним, с секундным опозданием кивнул и Шурик.

– Ну, тогда хорошо. – сказал Олежик. – А то я только раз пробовал варить, да и то электродом.

– За сварку ты не парься, со сваркой мы управимся. – успокоил его реконструктор. – Ты лучше скажи: вот это всё – оно к чему? Я, хоть и программист, и с математикой худо-бедно знаком, а ни пса тут не могу разобрать...

Он перелистнул несколько страниц, сплошь покрытых непонятными значками, математическими формулами и схемами «мировых линий».

– А я доктор? – пожал плечами Олежик. – В смысле, доктор, конечно. Будущий. Но только не физики, а психиатрии. А в этих загогулинах ничего не понимаю.

– Вот и господин доцент тоже.... – Ромка покосился на Евсеина. Тот сидел на другом конце стола за ноутбуком и внимательно изучал ГУГЛ-карту центра Москвы. – Он ведь не физик, а историк. Дядя Юля, будь он здесь, может и разобрался бы – только ведь он на той стороне. А вдруг это что-нибудь важное, без чего не получится открыть портал?

– А мужики-то и не знали... – Олежек с усмешкой процитировал знаменитый рекламный ролик. – Я думаю, для нас эти каракули бесполезны. Виктор, судя по всему, всерьёз увлёкся физикой мировых линий и этих... червоточин, но никому об этом не рассказывал.

– Тебе-то с чего знать? – сощурился Ромка.

– А с того, что раз уж никто из нас ничего в этих записях не разобрал, то и в группе Войтюка, надо полагать, дела обстояли не лучше. – назидательно ответил будущее светило психиатрии. – Судя по тому, что ты сам рассказывал, у них народ вообще интеллектом не отягощён – мозгами умеют работать только сам Геннадий, Виктор, ну и та девица, что крутила гешефты на помаде и чулках.

– Вероника Клеймёнова. – кивнул Ромка. – Она ещё потом с Войтюком поцапалась и свалила от него в Париж. Да, у этой девчонки голова варит...

– Так эти двое могли быть в курсе? – продолжал допытываться Шурик.

– Не думаю. – Ромка покачал головой. – Во всяком случае, пока Геннадий с Ольгой... э-э... пока моя сестра состояла в его группе. Она бы знала.

Не признаваться же, что сестра именно тогда была близкой подругой вожака радикалов?

– Виктор мог увлечься этой темой и позже. – глубокомысленно заявил Олежек. И, я думаю, Геннадий-то был в курсе – зачем что-то от него скрывать? Таланту, знаешь ли, нужны ценители, это я вам как психиатр говорю. И вообще: думаю, этот ваш, Виктор грезил о славе открывателя нового направления в физике. Может, даже о Нобелевке мечтал?

Ромка недоверчиво покачал головой.

– Ну, хорошо, пусть так. Но почему в Д.О.П. е ничего не знают о его разработках? Я читал личное дело Виктора, да и вы можете ознакомиться, оно у меня с собой, на флешке. Он – компьютерщик и связист, а о физике, и уж тем более, об исследованиях червоточин там ни полслова. А ведь допрашивали его основательно, и наверняка вытянули бы подобную информацию!

– Иголки под пальцы загонять не пробовали? – насмешливо сощурился Шурик. – А то, глядишь, и признался бы. Я это к тому, что среди тех, кто из нашего времени все сплошь гуманитарии?

– Ну... – Ромка прикинул расклад. – Мальчик, Иван, не в счёт. Семёнов – журналист и историк, а Каретников – врач. Ну и мы с сестрой. Так что да, физиков нет.

– Вот видишь! А местные следователи в таких материях тем более ни уха, ни рыла. Чтобы получить нужную информацию нужно задать правильные вопросы – а их-то Виктору никто и не задавал. Ну а он в свою очередь не спешил бежать впереди паровоза. Может, приберегал, так сказать, козыри на будущее – чтобы, когда припрёт, было чем торговаться?

Они снова склонились над тетрадкой. На развороте, в окружении осточертевших уже значков и латинских букв красовалось несколько знакомых схем с мировыми линиями и дугами «червоточин». Но кое-что и отличалось: рядом со схемами было довольно точно изображено то, что не могло быть ничем, кроме чертежей «искалки». И эти чертежи отличались один от другого – проволочки каркасов имели разные углы изгиба, чёрные точки коптских «бусинок» расположены неодинаково.

– Это ещё что? – с интересом осведомился Евсеин. Он оторвался от ноутбука, и через плечо Шурика рассматривал схемы. – Выходит, Виктор тоже пытался сконструировать «искалку»? Но откуда он взял саму эту идею?..

Ромка пожал плечами. В самом деле – откуда?

Дискуссию прервал звонок в дверь – громкий, дребезжащий и старомодный, как всё в квартире. Ромка от неожиданности вскинулся, крутнулся на стуле, едва его не опрокинув.

– Чего ты дёргаешься? – Шурик встал. – Это Колян – он звонил четверть часа назад, предупреждал, что скоро будет. Сиди уж, я открою...

Ромка сел. Пепербокс ходуном ходил у него в пальцах. «Фу ты, нервы совсем ни к чёрту...» Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул – и стал запихивать игрушечный пистолетик в карман.

Реконструктор вернулся в сопровождении эксперта. Тот выглядел донельзя усталым и подавленным – тёмные круги под глазами, красные, как у кролика, глаза... Когда Колян сел за стол и взялся за чайный пакетик с «Липтоном», Ромка заметил, что у него дрожат пальцы, да, не только у них троих выдалась сегодня бессонная ночь...

Олежик, циничный, как и полагается медику, на подобные пустяки внимания обращать не стал.

– О, Колян, очень вовремя! Глянь-ка на эти египетские иероглифы – может, чего разберёшь?

Но тот даже не взглянул на пододвинутую тетрадку.

– Некогда сейчас ерундой заниматься. У нас намечаются крупные неприятности. Помните, я рассказывал о склочной бабке, по наводке которой Славка вычислил вашу компанию? Так вот, она, оказывается, не угомонилась...

...Колян умолк, и в комнате повисла тишина. Первым решился нарушить её Шурик.

– Сколько, говоришь, у нас времени?

– Сутки, максимум. – отозвался эксперт. – Домомучительница – так её Славка называл, действительно чем-то похожа на фрекен Бок из мультика – заявила сегодня с утра в ОВД и всех там поставила на уши. Начальство, натурально, велело разыскать Славку. А когда выяснилось, что он не отвечает ни по домашнему, ни по мобильнику – объявило аврал. Он конечно, студент, и всё такое... – Колян хмуро посмотрел на реконструктора, – но всё же сотрудник ОВД, хоть и временный. Короче, завтра к обеду, самое позднее, его квартиру вскроют, залезут в домашний компьютер и извлекут все подробности о вашей весёлой компании. Сколько-то времени понадобится, чтобы их осмыслить, систематизировать – но послезавтра с утра вас

будут отлавливать по одному и расспрашивать с пристрастием. И начнут, надо полагать, с этого адреса.

– Значит, завтрашний день у нас есть?

– Есть-то он есть, а проку с того?.. – уныло спросил Колян. – Ты что, собираешься податься в бега?

Шурик хмыкнул.

– В каком-то смысле – да. Если кто забыл, завтра в шестнадцать ноль-ноль – первая попытка открыть портал. Мы как, успеем подготовиться? Собственно, это только к нам с Олежиком относится, Вильгельм Евграфычу и Роману и собирать-то особо нечего, они возвращаются домой. Ты как, будущее светило психиатрии? Готов к подвигам?

– Нам, казакам нипочём, что бутылка с сургучом... – непонятно отозвался Олежик. – Домой только заеду, возьму кое-что, предков предупрежу. Я их уже второй день готовлю к мысли, что могу свалить в любой момент – на практику, в Германию.

– Вот и хорошо. Мне тоже собираться – только подпоясаться, хе-хе.... Давайте так: сейчас разбегаемся, а к полуночи чтобы все были здесь. Договорились?

– Эй, а обо мне забыли? – голос Коляна звучал обиженно. – Сами, значит, в червоточину, а мне тут за вас отдуваться?

Хронопутешественники переглянулись. Ромка едва заметно пожал плечами.

– Так ты что, с нами хочешь? – осторожно осведомился Шурик.

– А ты против?

– Нет, но тебе же, как я понял, расследование не угрожает. Твоего имени в деле, которое раскручивал Ярослав, нет – или я ошибаюсь?

Колян сжал кулаки. Пальцы у него больше не дрожали, взгляд, как заметил Ромка, был полон решимости. И откуда что берётся?

– Имени моего там, конечно, нет. Но – вы не допускаете, что мне, как и вам, просто хочется отправиться с вами? В конце концов, вы мне обязаны! Если бы не я...

Ромка понял, что пора брать инициативу на себя. В конце концов, главный в этой компании он – а значит, и решать ему.

– Да мы и не спорим, не волнуйся ты так! – он поднял перед собой ладони в успокаивающем жесте. – Если тебе так уж приспичило – пошли, дело тебе найдётся. Ты ж компьютерщик?

Колян кивнул.

– У нас катастрофически не хватает специалистов. Но... – он помедлил. – Ты уверен, что позже не пожалеешь? Никаких гарантий возвращения мы дать не можем, учти.

– Да плевать на гарантии! – Колян вскинулся, едва не опрокинув стул – спасибо Олежику, вовремя подхватил. – Еду! Сгоняю только домой, соберу шмотки – и еду!

...ну вот, подумал Ромка, ещё один энтузиаст, жаждущий приключений. Сколько их теперь, пятеро? Интересно, у портала-червоточины есть какие-нибудь ограничения по пропускной способности? А то, как бы не пришлось кому-нибудь застрять на этой стороне...

VII

*Москва,
ул. Гороховская,
апрель 1888 г.*

Дядя Юля склонился над маленькими тисочками, прикрученными к столешнице. На голове, поверх редкой седой шевелюры у него красовался обруч с набором луп и крошечным светодиодным фонариком на кронштейнах. Алиса невольно улыбнулась – в таком виде он чрезвычайно походил то ли на постаревшего доктора Эметта Брауна из фильма «Назад в будущее», то ли на фэнтезийного гнома-механика.

Зажатая в тисках «искалка» таинственно поблёскивала медными проволочками. Некоторые были погнуты – результат падения на тротуар. Дядя Юля наклонился, подцепил одну круглогубцами и нажал. Алиса затаила дыхание, но ничего страшного не случилось – искалка едва слышно скрипнула, проволочки выпрямилась, чёрная бусинка, закреплённая в капле припоя, не шелохнулась. Дядя Юля удовлетворённо хмыкнул, выпрямился, и поднял своё стимупанковское приспособление на лоб.

– Ну вот, племянница, а ты волновалась! Принимай работу.

В голосе у старика сквозила усталость. Неудивительно, подумала Алиса, он уже третьи сутки в одиночку разбирает доставленный из будущего груз. Надо поинтересоваться: когда он последний раз ел? Не хватало ещё, чтобы он тут свалился без чувств...

Она взглядела в переплетения проволочек, сосчитала чёрные, бусинки, закреплённые в узлах искалки. Вспомнить бы ещё, сколько их было до аварии...

– Вы уверены, что тут всё в точности так, как раньше?

Девушка ожидала гневной отповеди – старик не терпел, когда подвергали сомнению качество его работы. Но, к её удивлению, дядя Юля ответил не сразу. Вместо этого он стащил с

головы обруч с линзами и принялся протирать их одну за другой носовым платком, извлечённым из кармана лабораторного халата. Алиса терпеливо ждала ответа.

– Вообще-то у меня была точная схема «искалки» – в блокноте. – заговорил старик. – Но... я его спрятал в карман пиджака. А когда мы загружали в машину последние коробки, я снял пиджак и бросил в багажник. Потом спохватился, но пиджак уже завалили разным бардаком. Времени было в обрез, я и подумал: пусть лежит, что с ним делается?

Алиса с удивлением обнаружила, что голос его звучал несколько... виновато?

– Ну и что?..

Дядя Юля снова замялся.

– Ну и... вот.

Он пошарил под столом, извлёк оттуда обрезанную полу пиджака вместе с рукавом.

– Значит, блокнот со схемой остался в багажнике?

– Да. Но это ничего, я всё запомнил. Сама знаешь, у меня отличная зрительная память.

Это Алиса знала: дядя Юля не раз удивлял собеседников, на спор цитируя целые страницы книг после первого прочтения. Но... волнения этих дней, утомление... А вдруг дядя ошибся и «искалка» при попытке открыть «червоточину» сработает как-то не так?

Дядя Юля закончил протирать линзы и убрал обруч в ящик.

– В конце концов, есть единственный способ проверить, не напутал ли я чего-нибудь. Но, если ты сомневаешься... – он исподлобья покосился на девушку, – давай я воспользуюсь «искалкой», а ты постоишь в сторонке?

Предложение было заманчивым, но, увы, неосуществимым. Алиса вздохнула и покачала головой.

– Хитренький ты, дядя Юля. Знаешь же, что эта штука настроена на меня – а значит, и работать с ней придётся мне. Ладно уж, как-нибудь, да обойдётся.

– Обойдётся конечно. – с готовностью подтвердил старик. – Да и обходиться тут нечему: я уверен, что всё сделал правильно. Сколько у нас осталось времени?

Алиса посмотрела на часы.

– Сутки и ещё пять часов. Вот вернутся Владимир Алексеевич с Ярославом – и будем собираться. Мне ещё костюм этот мерзкий на себя подгонять...

Если Алиса в самом деле рассчитывала подгонять «мерзкий костюм» по своей фигурке в спокойной обстановке, дома – то её ждало разочарование. То есть, сама подгонка никаких проблем не составляла – но вот как катить в пролётке по московским улицам в ОЗК, распугивая извозчичьих лошадей и добропорядочных обывателей? Пришлось отложить процесс на потом, для чего Ярослав сунул в рюкзак несколько мотков широкого скотча, нашедшихся в кладовке у юных искателей приключений наравне с прочими диггерскими запасами. Липкая лента предназначалась для того, чтобы ужать на манер манжет безразмерные рукава и штанины ОЗК, а заодно уплотнить костюм на поясе, запястьях и лодыжках – чтобы смрадная жижа и миазмы подземелья не проникали внутрь. Заодно подогнали и противогаз. По счастью, это оказалась малоразмерная модель, которую мальчишки подбирали для себя.

Всего комплектов химзащиты в кладовке было три. Один с самого начала облюбовал Ярослав, второй достался Алисе. Третий, свободный, предложили Сёмке – но тот, осмотрев с недоверием незнакомое снаряжение, отказался. По примеру Гиляровского он раздобыл кожаные бахилы с фартуком, а так же запаса тряпичной маской, пучком пакли и скипидаром.

Кроме Алисы и её «пажа» (так репортёр назвал Сёмку) в подземелье вознамерился идти и дядя Юля. Попытки отговорить старика – «подождите лучше на Гороховской, Юлий Алексеич, зачем вам в ваши-то годы лезть в эту дыру, мы и сами справимся...» закончились грандиозным скандалом. Старик и слышать не хотел о том, чтобы остаться и уверял, что без него им не обойтись. «А если случится что с искалкой в последний момент, – с жаром доказывал он, – кто

с этим разбираться будет? Ты, племянница, или, может, ваш бравый полицейский?» И тыкал сухим, коричневым от старости пальцем в грудь Ярославу.

Потратив на уговоры полчаса, Алиса с Гиляровским, наконец, махнули рукой. Единственной уступкой стало выбитое из дяди Юли обещание воспользоваться третьим комплектом химзащиты.

Успокоившись и немного отдышавшись после бурной дискуссии, старик удалился в мастерскую – и через минуту появился с небольшим фанерным ящичком. Внутри, на войлоке, которым были обиты стенки и дно, покоилась драгоценная «искалка». «Это чтобы снова не покалечить. – пояснил дядя Юля. – В тоннелях, как я понял, скользко – упадёте, уроните...»

На том и порешили. Сёмка сбегал за извозчиками, и будущие диггеры покатали на Варварку. Следом, на почтительном отдалении, двигался ещё один экипаж – двое молодых людей из Яшиного «сыскного бюро» ни на миг не спускали глаз с подопечных. Алиса заметила, что седоки всё время настороженно озираются по сторонам, а полы их кургузых пиджачков топорщатся от спрятанных револьверов. «Неужели ждут нападения? – гадала она. – Вот и Дрон, сиделец из Сербского, упоминал, что кто-то из его подельников уцелел и скрывается здесь. Да нет, не безумцы же они, чтобы устраивать налёт с пальбой среди бела дня на оживлённой улице? Вот под землёй – это да, дело другое, и недаром Гиляровский, заставил всех проверить оружие. Всучили револьвер и Алисе – небольшой кургузый «бульдог», такой же, как у Сёмки. У револьвера не оказалось привычной скобы, защищающей спусковой крючок, а сам он был сделан непривычно – складным, откидывающимся вперёд. «Это чтобы не цеплялся в кармане, если придётся быстро вытаскивать» – объяснил репортёр. Алиса поупражнялась с «бульдогом» и выяснила, что управиться с хитроумной «раскладушкой» в трёхпалых перчатках от ОЗК попросту невозможно. Пришлось разложить его заранее – и уже в готовом к бою положении спрятать в противогазную сумку, вместе с горстью палочек-ХИСов, ножом, запасным фонарём и мотком скотча. Комплект снаряжения выдал ей Ярослав – и долго объяснял, чем и как следует пользоваться. Алиса с трудом дотерпела до конца лекции. В конце концов, она не ребёнок и сама может разобраться, что к чему!

Пролётка свернула с шумной, полной народу Варварки в неприметную подворотню и остановилась в узком дворике, заваленном досками и бочками, остро воняющими тухлой рыбой. Ромка выскочил из пролётки и направился в угол двора, где маячил неприметный молодой человек в поддевке, какие носят здесь приказчики – явный коллега давешних сотрудников «сыскного бюро».

– Вылезайте, господа, приехали! – прогудел Гиляровский и полез вслед за Ярославом наружу. Экипаж под его весом качнулся и жалобно заскрипел. – Барахлишко только не забывайте, а то придётся потом шлёпать назад...

Алиса огляделась, подхватила увесистую сумку, и, пропустив вперёд дядю Юлю, покинула пролётку.

Что ж, как там говорится в пословице – назвался груздем?..

Студент осторожно выглянул за угол и тут же спрятался обратно.

– Ну, что там? – жадно спросил Егор.

– Три пролётки. – ответил тот. – в первых двух пятеро, въехали во двор. В третьей ещё двое, этих не знаю. Сошли возле подворотни, но заходить не стали – стоят и зыркают по сторонам. Извозчика не отпустили, велели ждать.

– Охрана. – подтвердил Егор. – Из сыскного агентства. Я думал, их будет больше...

– Так и хорошо! – подал голос второй боевик, накручивая на короткий ствол кипариса цилиндр глушителя. – Этих двое – и там, во дворе, пятеро, включая бабу и старика. В три ствола – делов-то на три минуты...

– Согласен с предыдущим оратором. – Студент з потянул из-за обшлага мундира «Стечкин с глушителем. – Двор замкнутый, подворотню перекрыть – раз плюнуть, сработаем на раз-два-три.

Егор прикинул.

– Нет, пока подождём. Когда те пятеро спустятся в подвал – эти двое войдут во двор, это будет нам сигнал. Тогда – ждём ещё несколько минут, потом входим, валим их и тоже спускаемся под землю.

– А не нарвёмся? – усомнился боевик с «Кипарисом». – Вполне могут недалеко от входа в подземелье оставить кого-нибудь. Мы сунемся, а он нам по фонарям и влупит!

– Не влупит. Не станут они разделяться, не тот случай. Дадим немного отойти и сядем на хвост. А когда доберутся до места и откроют червоточину – вот тогда...

– Ты старший, тебе виднее. – согласился владелец «Кипариса». – И, кстати, о старших – где Геннадий-то? Ты говорил, он будет попозже?

– Обязательно будет. – соврал Егор. – Только он вниз не пойдёт, останется прикрывать снаружи. И вообще, что за манера обсуждать приказы? Стволы проверили? Вот стойте и ждите!

И, отодвинув студента, осторожно выглянул из-за угла. Двое «сыскных» по-прежнему стерегли подворотню – стояли по обе стороны от приземистой арки и обшаривали цепкими, настороженными взглядами прохожих.

«Ждать, ждать! Пока «гости» напялят снаряжение, пока спустятся вниз, пока разгребут хлама маскирующий спуск в подземелье – четверть часа, не меньше. А уж там настанет наш черёд...»

И машинально погладил рукоять заткнутого за пояс ТТ. Сегодня он покажет Геннадию, на что способен!

VIII

Москва,

Пока ещё – июль 2015 г.

Шурик распустил завязки, перевернул рюкзак и вывалил на пол груду рыбацких сапог. Судя по запаху резины и товарным биркам, сапоги были только что из магазина. Чёрные, с высоченными до пояса, голенищами – наследие советской эпохи, любимое несколькими поколениями почитателей рыбной ловли.

– Здесь по паре для каждого. Если с размерами не угадал – извиняйте, брал на глазок.

– Это ещё зачем? – удивился Олежек. – Ты что, на рыбалку собрался?

– Ага, ловить пираний-мутантов. – хмыкнул Шурик. – В канализации. К твоему сведению: в технических тоннелях метрополитена сравнительно чисто, максимум, что там есть – это пыль и сырость на стенах. А вот на той стороне портала, в девятнадцатом веке, картина, мягко говоря, другая. Если верить господину Гиляровскому – а я ему верю, «Москву и москвичей» трижды от корки до корки перечитал, – там придётся шлёпать по колено в дерьме, и хорошо, если только по колено... Так что – разбирайте, сами потом спасибо скажете.

К назначенному сроку в квартиру на улице архитектора Казакова собрались все. Шурик, кроме рюкзака с сапогами, приволок второй рюкзак с вещами и ноутбуком – куда ж программисту-айтишнику без главного своего инструмента? Олежек не меньше трети рюкзака – здоровенного, туристского, на сто литров – забил упаковками с медикаментами, одноразовыми шприцами и прочим медицинским припасом. Скромнее всех оказался Колян. Он тоже прихватил ноутбук, но в остальном ограничился несколькими парами белья, мылом, зубной щёткой и горстью батончиков «Сникерс» в качестве сухого пайка. Похоже, преданный поклонник классического фэнтези, никогда не задумывался о столь прозаических вещах, как содержимое тревожного чемоданчика – в данном случае, как не преминул сострить Шурик, «рюкзака попанданца».

Пока спутники отсутствовали, Ромка успел пройтись по магазинам. Он не тратил время и деньги, которых осталось не так уж много, на компьютерные прибамбасы – его закупки предназначались исключительно для представительниц прекрасного пола. Духи, косметика, чулки, кружевное бельё – всё то, чего в девятнадцатом веке днём с огнём не сыщешь. Часть этих деликатных сокровищ предстояло отдать сестре Ольге, ну а остальное... словом, поручику Роману Смольскому было кого порадовать.

Заснуть этой ночью никто не смог – только Евсеин под утро прикорнул на диванчике в гостиной. Остальные под бесчисленные чашки кофе (коньяк Ромка запретил – «завтра у всех должны быть свежие головы!») склонились на позаимствованной в квартире Виктора самодельной картой – большим листом бумаги, испещренным многочисленными пометками. На карте было всё: подземные коридоры, канализационные коллекторы, служебные тоннели метрополитена. Возможно, предположил Шурик, кто-то из группы Войтюка полазил в своё время под землёй с диггерами?

Так что, они заучивали наизусть маршрут, проговаривали варианты событий, от встречи с охраной метрополитена, до стычки с «чёрными диггерами» или гигантскими крысами – в Интернете ходили байки и не про такие ужасы, встречающиеся в подземной Москве. И когда задребезжал старенький механический будильник, Ромка не сразу понял – и когда это успело наступить утро?

Ехать в центр решили на такси. Вызывать машины не стали, из квартиры выходили по одному, озираясь в поисках возможной слежки. Обошлось: похоже, у ОВДшного начальства руки в самом деле ещё не дошли до поисков «подозреваемых» по делу об исчезновении стажёра Онуфриева. Так что, к десяти утра все пятеро были уже на Варварке – держались друг от друга

на расстоянии в десяток шагов и не сводили глаз с Ромки, которому досталась роль старшего группы.

Долго ждать не пришлось. Утро выдалось не по-летнему унылым; накрапывал мелкий дождик, и народу на улице почти не было. Ромка улучил момент, когда возле нужной им подворотни не оказалось ни одного прохожего, подал спутникам знак – и они по одному прошмыгнули мимо припаркованной «Газели» во двор. Железная дверь в подвал обнаружилась, как это и значилось в записях Виктора, в противоположной от подворотни стене. Ромка огляделся – никого. На ходу выдёргивая из-под полы заранее припасённую монтировку, он пересёк двор. Навесной замок сопротивлялся недолго – и сдался с громким металлическим щелчком. Из подвала пахло затхлой сыростью и мышами; они по одному спустились по склизким ступенькам. Шедший последним Колян подпёр дверь изнутри куском доски, а Ромка уже шарил лучом фонаря по стенам. Где-то тут должна быть решётка, за которой открывается шахта вентиляционного колодца... вот же она, завалена кучей всякого хлама!

Спустившись по поржавевшим скобам (Шурик и Ромка вдвоём страховали Евсеина) они оказались в низком помещении, посреди которого громоздилось нечто массивное, угловатое, с жестяным кожухом в форме улитки. Этот механизм Шурик, чуть поколебавшись, объявил вентилятором, того типа, что ставили в бомбоубежищах.

Дальше был прямой, как стрела, коридор, по сторонам которого то и дело мелькали стальные двери, все до одной наглухо запечатанные. С интервалом в пятьдесят метров перегородки гермозаслонки – по счастью, все открытые. Возле каждой на стене имелась коробка с рубильником, чтобы в случае угрозы можно было отсечь часть тоннеля.

Коридор заканчивался комнатой, уставленной решётчатыми ящиками воздушных фильтров – проржавевших, покрытых толстым слоем пыли. Подтверждалась версия Шурика: похоже, они действительно попали в заброшенное бомбоубежище, построенное, судя по шильдикам на оборудовании, ещё в пятидесятых годах прошлого века.

Из комнаты с фильтрами вёл другой коридор, через два десятка шагов упирившийся в массивную гермодверь, на этот раз, запертую. Дверь была снабжена электроприводом, причём проводка – это было видно невооружённым глазом, – давно сгнила и не действовала.

Но открывать её и не требовалось. Пошарив лучом фонаря по стенам, Ромка отыскал отмеченный на карте неприметный проход, за которым они упёрлись в тупик – преграду, сваренную из стальных листов. Один из листов был прихвачен небрежно, наискось – несомненно, работа ребят Войтюка. Значит они на правильном пути!

Сварочный аппарат отыскался поблизости, в нише, прикрытой сгнившими досками. Шурик проверил баллоны, удовлетворённо поцокал языком и велел спутникам отойти подальше. Подкрутил латунные вентили на изогнутой в виде буквы «Г» горелке – и провёл вспыхнувшим острым язычком голубого пламени по сварному шву.

Ромка выдохнул – оказывается, с того момента, как Шурик взял в руки горелку, он сдерживал дыхание. Что ж, самое трудное позади, можно расслабиться. И тут же осадил себя: предстоит ещё открыть портал-червоточину. И если что-то пойдёт не так – возвращаться им, в сущности некуда. Если, конечно, они не горят желанием свести знакомство с оперативниками Басманного УВД, разыскивающими бесследно пропавшего стажёра-практиканта Ярослава Онуфриева.

Срезанный автогеном лист с жестяным грохотом обрушился на бетонный пол. Шурик повернул барашек регулятора, и голубой язычок послушно угас. В образовавшуюся брешь пришлось протискиваться, согнувшись в три погибели, цепляя одеждой за зазубренные, ещё горячие кромки. За тупиком открылся проход шириной не больше полутора метров, и идти по нему можно было только по одному. Проход тянулся ещё шагов на пятьдесят – причём из-за одной из стен то и дело накатывал, заглушая прочие звуки, металлический гул. «Там тоннель с путями. – почему-то шёпотом сказал Шурик. – Правильно идём, всё как в описании...»

И вот, наконец – железная дверь с остатками облупившейся салатово-зелёной краски и едва различаемыми белыми цифрами. Подсобка, та самая, куда ведёт портал-червоточина!

Дверь – не металлическая, а самая обыкновенная, из вздувшейся от сырости пузырями фанеры – протяжно скрипнула заржавленными петлями. Ромка шагнул внутрь и зашарил рукой слева от дверного проёма.

Сухо щёлкнуло, свет мигнул, погас, снова мигнул – и под потолком тускло засветились две лампочки накаливания в обрешеченных стеклянных плафонах. Всё тут было в точности, как описывал в своих записках Виктор. Ряды железных шкафчиков вдоль стен – здесь рабочие хранили свой нехитрый скарб. Кое-что сохранилось до сих пор: скукоженные, высохшие до костяной твёрдости башмаки, чёрная от масла и грязи спецовка, пожелтевшие, рассыпающиеся от прикосновения в труху газетные листы. Пыль, осыпавшаяся пластами краска, жестяной короб вентиляции под потолком, с которого фестонами свисает пропылённая паутина... а это что?

– Уж ты, вот это раритет! – Олежек восхищённо рассматривал древний телефонный аппарат в массивном металлическом корпусе, с толстым металлическим же наборным диском и тяжелой, как гиря, трубкой с раструбом. – Свинтить бы его отсюда...

– На подводных лодках такие, только без наборного диска, я в кино видел. – Олежек снял с торчащего в бок рычага трубку – большую, тяжеленную, словно гантеля, с раструбом, прикрывающим микрофон. – Ого, работает!

Из динамика слышался непрерывный гудок.

– Ну-ка... – будущий психиатр зашарил по карманам в поисках мобильного, – наберите кто-нибудь мне на трубу с этой штуки, определим, какой тут номер!

Увы, эксперимент не удался – звонок на сотовый никак не хотел проходить. Вероятно, это была внутренняя метрополитеновская телефонная сеть, без выхода в город.

– Не наигрались ещё, господа? – сварливо осведомился Евсеин, извлекая из своего сак-вояжа картонную коробку, замотанную в плотную ткань. – Позволю себе напомнить, что мы пришли сюда не за этим!

Он размотал ткань, отодрал скотч и извлёк из коробки искалку, упакованную в несколько слоёв поролона.

– Кажется, всё цело...

Ромка кивнул. Не хотелось бы оказаться неизвестно где, а то и вовсе превратиться в пучок каких-нибудь кварков или нейтронов – и всё из-за пары погнутых проволочек.

Евсеин извлёк из жилетного кармана часы.

– Что ж молодые люди, у нас примерно четверть часа. Если вас не затруднит... – он повернулся к Шурику, – расчистите место у той стены. Портал, я полагаю, откроется там.

И показал на стену напротив входной двери. Шурик кивнул и бросился выполнять распоряжение.

Ромка ворочал железные шкафчики – похоже, их нарочно открутили от пола и пододвинули к стенке – а в голове какие-то встроенные часы назойливо тикали, отсчитывая секунды и минуты.

...Пятнадцать минут... теперь тринадцать... вот уже десять...

– Всё, время вышло, молодые люди... – доцент откашлялся, встал напротив расчищенной стены. – Попрошу всех приготовиться.

Ромка кивнул, стараясь справиться с нервной дрожью.

Доцент поднял «искалку» перед собой, одновременно скосив глаза на циферблат. Секундная стрелка двигалась мучительно медленно, отсчитывая последние мгновения.

...четыре... три... два... один...

Вот, сейчас!

IX

... неизвестно когда...

... неизвестно где...

На этот обошлось без приключений. Ни попыток нападения, ни бесцельных блужданий в смрадных подземельях – словно они подобрали с пола незримую путеводную нить, и по ней, не сворачивая, добрались до места, где предстояло открыть портал. «Удивительно, – бурчал Гиляровский, – и как это я в прошлый раз дал промашку? Бывал ведь здесь, и на память, вроде, не жалуюсь – а, поди ж ты!

Пока Ярослав обшаривал лучом фонаря осклизлые кирпичные стены, дядя Юля распечатал ящик с «искалкой». Противогаз болтался у него на груди. Он оттянул рукав куртки, близоруко сощурившись, поднёс запястье к глазам.

– Так, у нас осталось... что за...

В голосе его сквозило неприкрытое изумление.

– Ничего не понимаю! Получается, мы провели под землёй почти два часа? А я голову готов был дать на отсечение, что прошло не больше сорока, максимум, сорока пяти минут!

У Алисы под резиновой маской брови полезли на лоб. Она сдвинула противогаз на лоб и закашлялась, вдохнув вонючие испарения.

– Кх... как это – полтора часа? Быть того не может!

– Вот, можешь сама убедиться!

И продемонстрировал ей «командирские» часы. Алиса всмотрелась – положение слабо светящихся стрелок полностью подтверждало сказанное.

– Это получается... – дядя Юля пошевелил губами, – получается, у нас осталось всего семь минут!

Алиса озадаченно переглянулась с Ярославом, потом с репортёром. Тот недоумённо пожал плечами.

– Ладно, не будем терять времени. – дядя Юля закашлялся. – Вот, держи свой инструмент!

Алиса приняла «искалку».

– А вы, молодые люди, не мешайте!

Дядя Юля сделал повелительный жест, Ярослав, а за ним Гиляровский с Сёмкой послушно попятиться.

– Ну, Алиска, с Богом...

Алиса уговорила завязавшийся где-то в районе солнечного сплетения узелок безотчётного страха – и подняла «искалку». Руки, сжимавшие хитроумное приспособление мелко подрагивали, но девушка не ощущала сейчас ничего, включая боль в закушенной губе. Её чувства будто стекли через подушечки пальцев в переплетение медных проволочек, усаженное чёрными, похожими на высохшие чёрные ягоды, бусинками.

...вот... сейчас...

«Искалка» мелко завибрировала, от неё по телу прокатилась волна энергии, миллионами укусов крошечных электрических мурашек, покрывших кожу. В глазах на миг потемнело – а когда пелена спала, Алиса увидела на стене блямбу портала-червоточины. Только теперь она вела себя несколько непривычно – вместо того, чтобы спокойно испускать неяркое свечение, лихорадочно пульсировала, то расплываясь на всю стену, от потолка до залитого жижей пола, то сжимаясь до размеров газетного листа.

– Получилось! – тонко выкрикнул дядя Юля. – Получилось, племянница!

– Погодите, дядь Юля... – Алиса замерла, боясь пошевелиться. «Искалка» в её руках дрожала в такт пульсации портала. – Погодите минутку, тут что-то очень-очень не так!

– Что-то не так! – объявил Евсеин. «Искалка» у него в руке ходила ходуном, на лбу выступили крупные капли пота.

– В чём дело, Вильгельм Евграфыч? – недоумённо спросил Ромка, разглядывая возникшее на стене светящееся лиловое пятно.

– А вы что, не замечаете? – отозвался доцент. – Червоточина нестабильна. Видите, как пульсирует контур портала?

Действительно, клякса то сжималась, то расплывалась во всю стену, словно в болезненных конвульсиях. Окаймляющая его огненно-фиолетовая нить в такт пульсациям то ярко вспыхивала, то становилась совсем тусклой, едва заметной глазу.

– И что с того? – Ромка нахмурился. – Пройти-то мы можем, верно? И вообще, раз эта штука тут появилась – значит, наши с той стороны тоже сработали, как надо. Пошли, не будем заставлять их ждать!

– Погодите, молодой человек! – Евсеин опустил «искалку». – Вы хоть понимаете, какой это риск?

– Вы предлагаете вернуться? – осведомился из-за Ромкиной спины Шурик. – То-то нас там встретят с распростёртыми объятиями. А ведь у вас, Вильгельм Евграфыч, даже документов нет. Что будете говорить в полиции – не подумали?

– Всё, некогда! – Ромка рубанул воздух рукой. – Ещё немного промедлим – дождёмся, что на той стороне решат, что мы не смогли добраться до портала, и отключатся. И вот тогда, в самом деле, придётся возвращаться!

Он по очереди обвёл взглядом спутников. Шурик – решительный, возбуждённый. Евсеин – этот уже открыл рот, чтобы выдать новый аргумент. Пет уж, господин доцент, придётся вам подчиниться.... Олежек держится сбоку, в обнимку со своим рюкзаком. Уголок рта дёргается, глаза бегают, лоб в испарине – боится, конечно... За его спиной – Колян, тискает в ладони никчёмный травмат. Это ещё зачем? Впрочем, пусть его, лишь бы не пальнул с перепугу – хотя, пугаться пока, вроде, нечего...

– Я иду первым. – Ромка старался, чтобы его голос звучал как можно твёрже. – За мной Олег, потом господин доцент. Шурик, проследи, чтобы он не споткнулся... Замыкающим – Колян. Интервал – две секунды. Готовы?

И, не обращая внимания на протесты Евсеина, шагнул в лиловую кляксу.

Ромка не раз проходил через портал-червоточину – и всякий раз он не мог уловить сам момент перехода. Вот ты стоишь на этой стороне, потом делаешь шаг вперёд, мгновенная пелена в глазах – и всё, ты уже «там» Порой даже и мглы не было – словно в киноленте один кадр менялся другим, приклеенным рукой не слишком умелого монтажёра.

Но – только не на этот раз. Лиловая мембрана будто натянулась, не желая пропускать сквозь себя незваного гостя. Ромка прибавил напор – он сам не понял, было ли это реальным мышечным усилием, или же волевым напряжением – препятствие вдруг поддалось, лопнуло, и он провалился в сияющее нечто.

Всё: верх и низ, окружающее его пространство, чувство времени – всё кануло в флуоресцирующем лиловом киселе. Ромку скручивало винтом, словно мокрую тряпку в руках великана. Это было больно, невыносимо больно, так, что он не выдержал бы и заорал в голос – только вот не было ни голоса, ни... да ничего не было, только сворачивающаяся в жгут пустота, адская боль и лиловое сияние заполонившее всё вокруг.

...потом пустота выплюнула его, не оставив ни боли, ни ощущения затягивающего безвременья. Ромка качнулся, с трудом устоял – и снова чуть не полетел с ног от сильного толчка в спину.

Он обернулся. Олежик. Стоит, скрюченный, вцепился в лямки рюкзака так, что костяшки пальцев побелели. Но позвольте, где же остальные?..

Не успел Ромка открыть рот, чтобы задать вопрос, как рядом с Олежиком возник Шурик – на руках у него висел бесчувственный Евсеин. Сердце отсчитало ещё три удара, и последним за спиной Шурика возник Колян.

Кажется, все?

А вот лиловая мгла никуда не делась. Теперь она напоминала слой тумана, вроде того, что ложится в предутренние часы над озером или росистым лугом – столь плотный, что невозможно порой разглядеть пальцы вытянутой руки. Только этот туман флуоресцировал, очерчивая силуэты людей, лиловыми слегка светящимися ореолами.

Ромка огляделся. Его не покидало странное ощущение: этот туманный мир казался был плоским, двумерным – мозг отказывался оценивать расстояния... до чего? В залитой лиловым свечением пустоте не было ничего, кроме них самих – и проступающих там, где должен быть горизонт, странных, словно висящих в воздухе силуэтов то ли скал, то ли крон чужих деревьев, то ли ни на что не похожих зданий.

Первым голос подал Шурик.

– Где это мы, а?

Ромка, не оборачиваясь, пожал плечами.

– Спроси, чего полегче.

Евсеин застонал, откашлялся и высвободился из Шуриковых объятий.

– А ведь я предупреждал, молодые люди! Я говорил, что...

Закончить фразу он не успел.

– Кто это? Не подходите! Стойте! А-а-а!..

Олежик уронил рюкзак и тыкал пальцем в фигуры, сгущающиеся где-то на границе туманной мглы. Человекообразные, очень высокие, какие-то неестественно тонкие – почти лишены плеч, длинные руки колышутся, извиваясь. Вот передняя подняла ладонь... да у них по четыре пальца!

Глухо кашлянул «Макарыч» – раз, другой. «Не стреляй, придурок!» – отчаянно заорал Шурик, но Колян продолжал давить на спуск.

Четырехпалые на миг замерли, колыхнулись и неторопливо двинулись вперёд. Казалось, пули не оказывают на них никакого действия.

Ромку, как холодной водой, обдало волной страха – или это ему показалось? А четырехпалые приближались, и за их спиной возникли, словно соткались из светящегося тумана новые силуэты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.